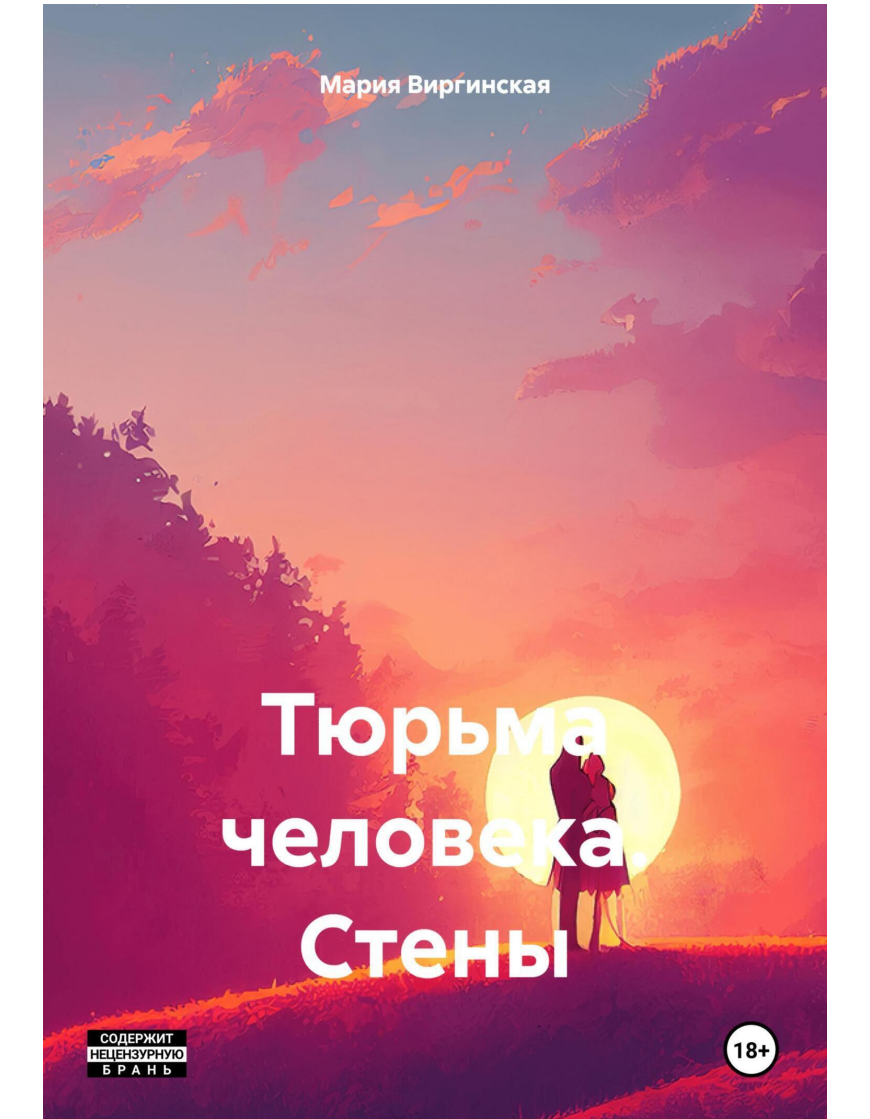

Мария Виргинская

Тюрьма человека. Стены

The background of the cover is a stylized, painterly illustration. It depicts a landscape with a large, bright yellow sun or moon in the center. In the foreground, a man and a woman are silhouetted against the light, embracing. The sky is filled with soft, pink and orange clouds, and the ground is a mix of green and brown, suggesting a field or forest edge.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Виргинская Тюрьма человека. Стены

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70312612

SelfPub; 2024

Аннотация

Где-то на планете Земля в камере идеальной тюрьмы трое заключенных пытаются вспомнить, кто они такие.

Мария Виргинская

Тюрьма человека. Стены

(пьеса в 2-х актах)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЕРОФЕЙ.

ГРЕК.

ВОР.

КОМЕНДАНТ тюрьмы.

ТИХОН, тюремный воспитатель.

ЭСТРЕЛЬЯ.

ЭСПЕРАНСА.

АКТ ПЕРВЫЙ.

(Кабинет Коменданта. Комендант, мужчина лет сорока, в дорогом элегантном костюме, сидит за письменным столом, заваленным папками, перед ним стакан чая и вазочка с конфетами. Напротив Коменданта на стуле робко жметя Ерофей. Возле двери расположился в небрежной позе Тихон, могучий детина в «пятнашке», с погонами капитана).

КОМЕНДАТН: Ну, вот, Ероша, и твоя очередь подошла... Хочешь конфетку?

ЕРОФЕЙ: Моя очередь?..

КОМЕНДАНТ: Да ты бери, бери, подсласти информацию... Вчера вечером тебя судили. Обвинителем выступал

сам господин Президент – не лично, конечно, через главного прокурора, но все равно это большая честь...

ЕРОФЕЙ: А где был я?

КОМЕНДАНТ: Здесь.

ЕРОФЕЙ: А почему?..

КОМЕНДАНТ: Мы решили не волновать тебя лишний раз. Тем паче, что адвокат со своей ролью справился блестяще.

ЕРОФЕЙ: Меня оправдали?..

КОМЕНДАНТ: Господь с тобой! Адвокат сумел добиться смертного приговора.

ЕРОФЕЙ: Да?..

КОМЕНДАНТ: В твоём положении это самое гуманное решение, Ерофей... Тихон Сергеич, сделай нам по чашечке кофе!.. Ты сам подумай: на рудники тебя отправить? Ты там и недели не протянешь! Медленная страшная смерть – вот что значит для тебя отбывание срока в специально отведенных местах. Держать здесь пожизненно? И того довольно, что мы тебя десять лет поили-кормили...

ЕРОФЕЙ: Десять лет?!

КОМЕНДАНТ: А ты думал! Конечно, тюрьма у нас образцовая, новейшего типа, недаром и называется – «Тюрьма Человека», здесь для тебя десять лет, как один день пролетели, но больший срок пребывания в этих стенах сметой не предусматривается! Увы!

ЕРОФЕЙ: Десять лет...

КОМЕНДАНТ: Вот копия приговора. Хочешь ознакомиться?

ЕРОФЕЙ: Нет, нет, я вам верю на слово.

КОМЕНДАНТ: Может быть, сигарету? Бери, бери, не стесняйся, сегодня твой день, сегодня тебе все можно.

ЕРОФЕЙ: Все?

КОМЕНДАНТ: В пределах разумного.

ЕРОФЕЙ: И когда меня?..

КОМЕНДАНТ: Как обычно.

ТИХОН: (входит с чашками кофе) Да ты не дрейфь, это быстро. Глазом не успеешь моргнуть!

КОМЕНДАНТ: Мы позаботимся о том, чтобы смерть наступила быстро и безболезненно. Тихон Сергеич, размешай Ерофею сахар... Я ведь и сам огорчен! Привыкаешь к людям. У тебя не было ко мне никаких претензий, ведь так?

ЕРОФЕЙ: Все было хорошо...

КОМЕНДАНТ: Бог свидетель, я заботился о вас по-отечески! Не по инструкции, хотя и она обязывает нас бережно относиться к пациентам... клиентам...

ТИХОН: Контингенту.

КОМЕНДАНТ: Я к вам относился, как к соседям! Сокамерникам! Ведь большая часть моей жизни проходит здесь, в этих стенах! Того и гляди, забуду, как жена выглядит! (просмеявшись) Жизнь, Ероша, штука непредсказуемая! Сегодня ты сидишь, а завтра, не дай Бог... Чур меня, чур!

ТИХОН: Типун вам на язык!

ЕРОФЕЙ: Товарищ комендант!.. Вы не могли бы сказать?.. За что меня?

КОМЕНДАНТ: За государственную измену.

ЕРОФЕЙ: Это я понимаю, а все-таки?.. Что я такого сделал?

ТИХОН: А ты не знаешь?

ЕРОФЕЙ: Я забыл.

КОМЕНДАНТ: М-да... Вас у меня много, всего про всех не упомнишь... (листает дело) Ага! Ты издал сборник стихов!

ЕРОФЕЙ: Сборник – чего?!

КОМЕНДАНТ: Стихов.

ЕРОФЕЙ: Я?!

ТИХОН: Ну, не я же!

ЕРОФЕЙ: Вы, наверное, перепутали...

КОМЕНДАНТ: Нет, Ероша, увы. Это случилось как раз перед тем, как господин Президент взял власть. Ты тогда учился в университете...

ЕРОФЕЙ: Боже мой!..

КОМЕНДАНТ: На факультете права...

ЕРОФЕЙ: А что это такое?

КОМЕНДАНТ: Что именно?

ЕРОФЕЙ: Право.

КОМЕНДАНТ: Ну, это... Как бы тебе доходчиво объяснить... Тихон Сергеич!

ТИХОН: Я-то откуда знаю?

КОМЕНДАНТ: Я посмотрю в словаре и скажу тебе. Передам через товарища воспитателя. (кивает на Тихона) Но взяли тебя не за учебу, а за стихи. Вспомни! Маленькая такая книжечка в бумажной обложке!

ЕРОФЕЙ: Можно мне ее посмотреть?

КОМЕНДАНТ: Ты пей кофе, остынет... Сейчас поищем. Должна же она быть в деле!

ТИХОН: Не обязательно.

ЕРОФЕЙ: А сколько мне тогда было лет?

КОМЕНДАТ: (листает дело) Не знаю, не знаю...

ТИХОН: Возьми да посчитай. Сейчас тебе сколько?

ЕРОФЕЙ: Я только хотел спросить...

ТИХОН: Я ж этой весной покупал тебе торт на день рождения! Лично ходил за стены, в кондитерскую!

ЕРОФЕЙ: Торт был со свечками?

ТИХОН: С розами. И с мармеладками разноцветными.

КОМЕНДАНТ: Что-то не вижу... Ага! Книжка к делу не приобщалась, так как была уничтожена по личному распоряжению Президента!

ТИХОН: Видно, крепко ты обидел гаранта!

КОМЕНДАНТ: А от роду тебе... Двадцать девять лет. Тогда, значит, было... Ну?

(Ерофей молчит)

ТИХОН: Девятнадцать!

ЕРОФЕЙ: Странно...

КОМЕНДАНТ: (Тихону) Я знаю, что ты владеешь ариф-

метическими приемами, но мне хотелось, чтобы он сам...

ЕРОФЕЙ: А я думал, я старый!

ТИХОН: Теперь это без разницы!

КОМЕНДАНТ: Ты меня извини, Ерофей, время! Поджигает! Твое последнее желание?

ЕРОФЕЙ: Мое?

ТИХОН: Не мое же!

КОМЕНДАНТ: Такова добрая традиция нашей тюрьмы. «Тюрьмы Человека»! Кое-кто находит ее старомодной, сентиментальной, но я иного мнения! Итак?

ТИХОН: Говори, чего ты хочешь!

ЕРОФЕЙ: А что можно?

ТИХОН: Ну, напиток, например! Обед заказать из ресторана! Хромой Таджики, помню, захотел напоследок в море поплавать, так мы его свозили на пляж. А бабенка одна платье модное захотела...

КОМЕНДАНТ: Кстати, если ты хочешь женщину...

ЕРОФЕЙ: Нет, нет! Не хочу!

КОМЕНДАНТ: Ты можешь попросить о свидании с родственниками...

ЕРОФЕЙ: А у меня кто-то есть?

КОМЕНДАНТ: Сейчас посмотрим... Увы, Ерофей. Но у тебя была девушка. Возможно, она жива.

ЕРОФЕЙ: Девушка?!

КОМЕНДАНТ: Эстрелья. Или Эсперанса. Ты тут что-то хитрил, имена какие-то называл... Не наши! Или у тебя было

две девушки?

ТИХОН: Обе – иностранки!

(Ерофей глупо хихикает)

ТИХОН: А что? Девятнадцать лет! Могло быть две! Запросто!

(Ерофей раздражается истерическим смехом)

ТИХОН: Ты ж тогда не был такой плюгавый! Ты был парень что надо! (показывает фотографию из дела) Во!

КОМЕНДАНТ: Время, время, товарищи!

ЕРОФЕЙ: (тянет руку за фотографией) Можно, я посмотрю?

ТИХОН: Да хорош ты был, это я тебе говорю! А смотреть-только расстраиваться!

ЕРОФЕЙ: Но я хочу, я хочу, мне надо! Мне надо о себе знать!

ТИХОН: Во дурной! Тебе надраться надо, чтоб лыка не вязать. И не заметишь, как на тот свет перепрыгнешь!

ЕРОФЕЙ: Пожалуйста!!

КОМЕНДАНТ: Ну, хорошо, успокойся! В порядке исключения. Можешь взять свое дело в камеру, там полистать... Читать-то не разучился?

ЕРОФЕЙ: Так. С пятого на десятое... Не могли меня – за стихи! Я, наверное, что-то страшное сделал! Жуткое! Мне надо покаяться!

КОМЕНДАНТ: А вот это – совершенно излишне. Мы избавили тебя от негативной информации, ты чист, как ново-

рожденный младенец! Таким и предстанешь перед Создателем!

ЕРОФЕЙ: Но Он же все знает!

КОМЕНДАНТ: Тем более нет нужды исповедоваться человеку. Пусть в рясе! Тем более, что своих грехов ты не помнишь!

ЕРОФЕЙ: А они были?!

ТИХОН: А кто без греха?

КОМЕНДАНТ: Считаю, мы исповедались за тебя, все твои грехи тебе отпустили! В этом и заключается одна из задач нашего учреждения! Гуманизм в действии! Действительный гуманизм! Так что не задерживай меня, Ерофей. Иди!

ЕРОФЕЙ: Я хочу взять вот это!

КОМЕНДАНТ: Семейный альбом?

ТИХОН: Да пусть!

КОМЕНДАНТ: Под твою ответственность, Тихон Сергеевич. Чтоб никаких мне истерик в камере, попыток суицида. Ты понял?

ТИХОН: Так точно. Бери свой альбом, Ерошка.

КОМЕНДАНТ: Так! А последнее желание?

ТИХОН: Захоти девчонку, Ерошка! Из-под земли достану!

ЕРОФЕЙ: Не надо!

ТИХОН: Ты чего испугался? Это ж только так говорится – из-под земли! Я тебе живую приведу, самую краляю!

ЕРОФЕЙ: Зачем мне чужая женщина?

ТИХОН: Чудила! За тем, что – женщина! Твоя-то, небось, замужем давно, детей растит.

КОМЕНДАНТ: Установим. Ты не припомнишь, Ерофей, ее фамилию, адрес? Особые приметы, хотя бы?

ТИХОН: Опиши, какая она была!

ЕРОФЕЙ: Эстрелья?

КОМЕНДАНТ: Или Эсперанса.

ТИХОН: А может, через черточку, Эстрелья-Эсперанса? У латинос так сплошь и рядом! А она, судя по имени... Кто была твоя девчонка, Ерошка? Ты где ее снял?

ЕРОФЕЙ: Не помню.

ТИХОН: Путана она была. Эти любят называться поэкзотичней.

ЕРОФЕЙ: У меня не могло быть путаны.

ТИХОН: Прогресс! Что-то сообразил! Ну, не могло, так не могло! Может, ты по парку погулять хочешь? На каруселях покататься? Устроим!

ЕРОФЕЙ: Не надо

ТИХОН: Ты ж, когда в последний раз гулял в парке?

ЕРОФЕЙ: Вы меня наколете, чтоб не сбежал, и буду я, как кукла... Или облепите со всех сторон, или... Нет, не хочу.

КОМЕНДАНТ: Время, Ерофей, время! У меня еще трое освобождаемых на сегодня!

ТИХОН: Мы вас так называем. Вы ж покидаете юдоль страданий!

ЕРОФЕЙ: Я хочу прочесть мою книгу!

ТИХОН: Оно тебе надо?

ЕРОФЕЙ: Да!!

КОМЕНДАНТ: Ну, Ероша, задал ты мне задачку! Почему бы тебе?..

ЕРОФЕЙ: Я только ее хочу! Мою книгу!

ТИХОН: Тебе ж ясно сказали: уничтожена твоя книжка!

ЕРОФЕЙ: Разве она была всего одна?

КОМЕНДАНТ: Тираж уничтожен.

ЕРОФЕЙ: Весь?!

КОМЕНДАНТ: Его и было-то двадцать экземпляров. Может, где какой экземпляр и завалился, но это сомнительно.

ЕРОФЕЙ: Найдите мне!

ТИХОН: Мы что, сыщики?

ЕРОФЕЙ: Найдите!

КОМЕНДАНТ: Хорошо, мы попробуем. Не обещаем, но попробуем.

ЕРОФЕЙ: Я так не умру! Не хочу! Я буду кричать! Я буду жаловаться!

КОМЕНДАНТ: Иди уже! Забирай свое дело...

ТИХОН: Давай пособлю!

КОМЕНДАНТ: Пособи и сразу назад! А то время крадем у наших освобождаемых!

(Ерофей и Тихон выходят. В кабинете Коменданта звонит телефон, он берет трубку: «Да! Да, ласточка, как всегда работаю!.. Ты же знаешь, что тебя я рад видеть в любое время дня и ночи, а сегодня ждать буду с особенным нетерпением!»)

Тяжелый сегодня у меня день!»)

ТИХОН: (сопровождает Ерофея в камеру) Зря ты.

ЕРОФЕЙ: Что?

ТИХОН: Ну, кому ты пожалуешься?

ЕРОФЕЙ: Это я так... Вдруг вырвалось!

ТИХОН: И орать ты не будешь. Вкатают укол, и пойдешь, как агнец на заклание, тихо, мирно!

ЕРОФЕЙ: Я так не хочу.

ТИХОН: Так и не выеживайся.

(Ерофей и Тихон входят в камеру – комнату без окон, с электрической лампочкой в железном колпаке высоко под потолком. В камере три койки, стол, три привинченных к полу стула. В камере – Вор и Грек)

ТИХОН: Я Ерошку с приговора привел, так что вы за ним последите! (Вору) И смотри мне!..

ВОР: Что?

ТИХОН: Только тронь его, бандитская морда! Только попробуй доколупаться!

ВОР: Что ж я, не человек?

ТИХОН: А то – человек! (Ерофею, указывая на папку) Может, ну его? Может, лучше водочки?

ВОР: На троих!

ТИХОН: (Вору) Вор! Дождешься освобождения, я тебе ящик приволоку! От себя лично! На радостях! А сейчас сиди тихо! Будь вежлив и толерантен, понял?! (выходит)

(Пауза. Все трое сидят молча, глядя в пространство перед

собой)

ГРЕК: На заре?..

(Ерофей кивает. Новая пауза. Ерофей пододвигает к себе папку)

ЕРОФЕЙ: Это какая буква? Эта, в серединке.

ВОР: Ты чего это приволок?

ЕРОФЕЙ: Мое дело.

ВОР: Ну, не хочешь говорить...

ЕРОФЕЙ: Я же говорю: мое дело. Вот! Тут и написано. Только я забыл, как читать.

ГРЕК: Дай-ка!.. Микулин Ерофей Денисович. Так тебя зовут. Вспомнил?

ЕРОФЕЙ: Это я помню. Я прочесть не смог.

ГРЕК: Лиха беда начало. Вот это – ка, это – эф, это –эр...

ВОР: Ну, ты даешь, Грек! Профессор в натуре!

ГРЕК: Я все время упражняюсь. Читаю лозунги, информацию на стендах...

ВОР: И че, полезная информация?

ГРЕК: Мы с вами содержимся в суперсовременной тюрьме, где соблюдены как юридические, так и нравственные законы общества. Весь персонал тюрьмы будущего, начиная от коменданта, всячески стремится облегчить наше существование в стенах воспитательно-оздоровительного учреждения.

ВОР: Ты столько прочел?!

ГРЕК: В учреждении наряду с воспитателями из числа

военнослужащих трудятся квалифицированные психиатры, психотерапевты, ученые – обществоведы, богословы, специалисты различных областей знания...

ЕРОФЕЙ: Это – лэ?

ГРЕК: Эл.

ЕРОФЕЙ: Ми-ку-лэ...

ВОР: Эт не ко мне, я неграмотный. Четыре класса прошел. И то все, чему учили, из башки испарилось! Хотя расписываться – умею! А ты что с этим томом делать собрался?

ЕРОФЕЙ: Читать.

ВОР: А сумеешь?

ЕРОФЕЙ: Да. Я не все буквы забыл. Я вспомню.

ГРЕК: Вслух читай!

ВОР: На фиг! Чтоб у меня потом башка месяц трещала от этой галиматьи? Хоть бы там, что занятное было! Ни в жизнь не поверю, что такой сморчок дел наворотил!

ЕРОФЕЙ: Я был не такой! Я был – вот!

ВОР: Ну?.. Не, это не ты!

ЕРОФЕЙ: Я!

ВОР: Брось! Не твоя это фотка! Скажи, Грек!

ЕРОФЕЙ: Да ты всмотришь, всмотришь!

ГРЕК: Он это.

ВОР: Грек у нас добренький... И это, скажешь, ты?

ЕРОФЕЙ: Тут везде я!

ВОР: И это?

ЕРОФЕЙ: Ну да!

ВОР: Ты что, в детстве девкой был?! Гляди, Грек! Это ж девка! И вот!

ЕРОФЕЙ: Тогда это... У меня были сестры!

ВОР: С чего ты взял?

ЕРОФЕЙ: Вот! (вынимает бумаги из папки)

ВОР: Что – вот?!

ГРЕК: Свидетельства о смерти Микулиной Дарьи Денисовны и Дашко Прасковьи Денисовны. Твоя старшая сестра была замужем.

ВОР: Это вот у него были сестры, у этого! (тычет в фото)
А ты...

ЕРОФЕЙ: Это я теперь ничего не помню! Но я вспомню!

ГРЕК: Вспомнишь, Ерошка, вспомнишь!

ВОР: Да какой он Ерошка? Его заместо другого сцапали! Слышь, я бы на твоём месте обжаловал!

ГРЕК: Не поможет.

ЕРОФЕЙ: Так вы думаете?...

ВОР: Он не он, дело не его! Не ты это!

ЕРОФЕЙ: Что же мне делать?

ВОР: Сдохнуть завтра! Заместо этого! Микулина! Ты все одно не жилец!

ГРЕК: Не слушай его. Ероша. Читай. Ты родился в апреле, четырнадцатого числа...

ЕРОФЕЙ: Я?!

ВОР: Не ты, а вот он! Усатый!

ГРЕК: У каждого человека должна быть своя история.

ВОР: А на безрыбье и чужая покатит?! Ну, и хитрая ты bestия, Грек! Сам-то ты за что сел? Не помнишь?!

ГРЕК: Это уже не важно.

ВОР: Может, ты и не грек!

ГРЕК: Повторяю: теперь это уже не важно.

ЕРОФЕЙ: Мне не надо чужого дела!

ГРЕК: Не слушай Вора. С ним еще не работали, вот он и бросается на людей. Осудили тебя, значит все, что тут написано – о тебе! Твою мать звали Елена, отца – Денис...

ЕРОФЕЙ: Да, да, я помню! Припоминаю! Вот она, мама!

ВОР: Дурак! Это девчонка твоя!

ЕРОФЕЙ: Нет, это мама! Тут и написано на обороте – Елена!

ГРЕК: Лучше прочти. Еще раз.

ЕРОФЕЙ: Аглая... Это кто? Грек?!

ВОР: Какой он, к дьяволу. Грек?! Ишь как по-нашему читает! А ну, говори, кто ты есть?!

ГРЕК: Отвяжись.

ВОР: А может, ты утка подсадная?!

ГРЕК: Ты в каком веке живешь?

ВОР: Меня побрали в 2067-м, вы уже здесь вовсю проки-сали!

ГРЕК: Почему ты до сих пор при памяти?

ВОР: Потому что блатной! А ты не уходи на крыло! Ты мне это продекламируй... «Илиаду и Одиссею»!

ГРЕК: Откуда вдруг такие познания?

ВОР: От поделщика. Он грамотный был, доцент! Мы с ним о многом разном базарили!

ГРЕК: Как же это он связался с тобой?

ВОР: Жизнь связала! В этой сраной стране кому, на фиг, нужны доценты?! Сперва они учебу сделали платной, чтобы такие, как я, только расписываться могли, а потом за вас принялись, шибко умных! Кого сразу замочили, кого в стены упаковали! Это вы в обычной тюрьме не парились! Где спят в три смены и сидят на полу по очереди!

ГРЕК: Почему тебя не водят на перевоспитание, Вор?

ВОР: Потому что блатной, сказал же! Меня вертухай наш любит!

ЕРОФЕЙ: Тихон Сергеевич?

ВОР: Тишка, мент позорный!

ЕРОФЕЙ: Кто?

ВОР: Выражение такое было. В начале века. Сохранилось в устном народном творчестве!

ГРЕК: Ты бы не очень – с творчеством. И стены, знаешь...

ВОР: Насрать! Ты мне лучше скажи, кто ты! По-гречески скажи!

ГРЕК: Не могу!

ВОР: Это вот он – и захотел бы, да не может, а ты, Грек, дуркуешь! Не за того себя выдаешь! Может ты – Светозар!

ЕРОФЕЙ: Светозар Иванов?!

ВОР: Его ищут, а он вот где прячется!

ЕРОФЕЙ: Он же не похож!

ВОР: Ты тоже не похож на того, с усами, а в распыл заместо него пойдешь!

ЕРОФЕЙ: Нет, я – он, то есть – я!

ВОР: А Светозара кто видел, помнит? Кто помнил, тех самих уже нет, а пластику сделать...

ГРЕК: Светозар, конечно, личность полумифическая, но если до сих пор его ищут...

ВОР: При мне, когда я на воле жил, всю страну перерыли!

ЕРОФЕЙ: Не нашли?..

ВОР: Может, и нашли уже! Откуда мне знать?! Мне Тишка не докладывал!

(Входит Тихон)

ТИХОН: Ты чего разорался, гнида? Ты меня как назвал?! Я тебе кто?

ВОР: Начальник.

ТИХОН: Тихон Сергеич! Или товарищ воспитатель! Еще раз не так назовешь, в одиночку сведу, ты понял?!

ВОР: Да я что? Это все он! Засечки делает! (указывает на Грека)

ТИХОН: Опять за старое, Грек? Забыл, что запрещено стены портить?

ГРЕК: Забыл.

ТИХОН: Смотри мне! В другой раз так напомним, что мало не покажется! (Вору) И тебе! (выходит)

ВОР: (вслед) Сука!

ЕРОФЕЙ: Тише!

ВОР: Слышь! Ты в Бога веришь? Ну, как ты чувствуешь там, внутри?

ЕРОФЕЙ: Скорей да, чем нет.

ВОР: Тогда ты на том свете отыщи моего корешка, Доцента. Скажи, что Вор его помнит, а что не расквитался с легавыми по-полной...

ЕРОФЕЙ: Я помню.

ВОР: Да что ты помнишь, придурок!

ЕРОФЕЙ: Ты это сто раз рассказывал. И нам, и Бакалейщику, и Артисту.

ВОР: Всех, с кем я здесь сидел, шлепнули! А со мной все тянут, жилы из меня тянут!

ГРЕК: Ты же блатной!

ЕРОФЕЙ: Лестница! Узкая белая лестница! А на мне – парусиновые туфли!

ВОР: Ты это чего?!

ЕРОФЕЙ: Ушло! Только что было и – все...

ГРЕК: Сосредоточься.

ЕРОФЕЙ: Я хочу вспомнить мои стихи. Хоть одну строчку!

ВОР: Дерьмо это все!

(Входит Тихон, соскребает со стены засечки Грека)

ТИХОН: Чтоб я этого больше не видел! Понял? Мне из-за тебя неприятности не нужны!

ЕРОФЕЙ: Нашли? Книжку мою нашли?!

ТИХОН: Ищут.

ЕРОФЕЙ: А который уже час?.. Они успеют?..

ТИХОН: Может, ты сам, где запрятал книжку? Припомни! Это ж тебе надо, не нам!.. А может, тебе другую какую-нибудь дать? Со стихами?

ЕРОФЕЙ: Нет, мне нужна моя.

(Тихон выходит)

ЕРОФЕЙ : (после паузы, в течение которой он мучительно пытается что-то вспомнить) Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать...

ГРЕК: Кто не спрятался, я не виноват.

ВОР: Полудурки!.. Ерошка, ты какое последнее желание выбрал?

ЕРОФЕЙ: Огромный куст с фиолетовыми цветами, под ним – скамья, а на скамье бабушка... Добрая.

ВОР: Совсем рехнулся?

ГРЕК: Отвяжись от него.

ЕРОФЕЙ: (Вору) Я попросил найти книгу моих стихов.

ВОР: Твоих?! А ну- ка, выдай мне чего-нибудь в рифму! Шило-мыло! Лоб-гроб!.. Слабо?! А потому что никаких стихов ты отродясь не сочинял, Ерофейка! Усатый, да, может и накрапал чего, а ты – нет!

ЕРОФЕЙ: Шило-мыло, лоб...

ГРЕК: Это не стихи.

ВОР: Давай стихи! Мы послушаем! Ну?!

ЕРОФЕЙ: Я... разучился.

ВОР: Да шо ты говоришь!

ЕРОФЕЙ: (после отчаянного мысленного усилия) Нет! Не могу!!

ГРЕК: Пробуй. Снова и снова, и все получится. Сперва подумай о чем-нибудь отвлеченном...

ЕРОФЕЙ: О каком?

ВОР: О ерунде какой-нибудь! О птичках там, о цветочках!

ЕРОФЕЙ: Я их вижу как-то... размыто!

ВОР: Ну, тогда обо мне напиши поэму! Вот сейчас, сходу! Меня-то ты четко видишь! Мастерство не пропивают, мужик! Его никакой химией не вытравить из подкорки!

ГРЕК: Как ты сказал?

ВОР: Из души! Стихотворцы, они там, в душе, творят, а вовсе не в кумполе! Кумпол у них так, на подхвате! Вспомогательное средство! Я, верно, понимаю, поэт?

ЕРОФЕЙ: Может быть...

ВОР: Ну, так сочини про то, как мы с Доцентом и с беззубым Карасем банк брать ходили! Карась на атасе, мы входим с пушками...

ЕРОФЕЙ: Стены...

ВОР: Что – стены?!

ЕРОФЕЙ: Только стены вижу.

ВОР: А меня?!

ЕРОФЕЙ: Здесь. Там, где вы куда-то идете с пушками – только стены!

ГРЕК: Но ведь был сиреневый куст, и лавочка, и старуха!

ЕРОФЕЙ: Не знаю... Слава Богу, что для меня скоро по-

гаснет эта лампочка! Слава Богу!

ВОР: А ты представь себе, что это светило! Днем – солнце, ночью – луна!

ЕРОФЕЙ: Ночью... Наверное, уже ночь! (кидается к папке на столе)

ГРЕК: Можно, я?... Сколько лет ничего толком не читал!

ЕРОФЕЙ: Десять.

ГРЕК: Да?

ЕРОФЕЙ: Мне так сказали.

ВОР: А ты думал, что-то дают твои засечки дурацкие? Они нам жрать в разное время носят! Я выкупил. Брюхом! Оно у меня точнее любых часов! И светило это неугасимое!..

ГРЕК: Давай! Ты эти листы, я – те!

ВОР: Слышь, Грек! А все-таки! Где ты читать по-нашему научился?

ГРЕК: Я знаю несколько языков. Знал. Из них – два мертвых. А теперь не мешай, мы спешим. (читает) «При обыске в квартире Микулина обнаружены и изъяты три экземпляра вышеназванного сборника, черновики рукописей, пять картин фривольного содержания...»

ВОР: (хохочет) Наш человек! А у меня – слышь? – карты были! С голыми девочками!

ГРЕК: (продолжает читать) «...три пистолета, полуавтомат и две обоймы к нему...»

ЕРОФЕЙ: Что?..

ВОР: Да он молоток был, усатый! Мужик! Хоть и крапал

стишата...

ГРЕК: Тихо!

(Входит Тихон)

ЕРОФЕЙ: Что?..

ТИХОН: Ищем. А это тебе от товарища коменданта. Он из словаря выписал. (подает лист бумаги, выходит)

ЕРОФЕЙ: Право...

ГРЕК: Что-что?..

ЕРОФЕЙ: «Совокупность предписаний, регулирующая жизнь общества и обязательных для всех его членов...»

ВОР: Для всех!

ГРЕК: Ерофей, ты же изучал право! Вспомни! Какое ты право изучал, уголовное, гражданское?..

ВОР: (смеется) Примени знания на практике!

ГРЕК: Вор!

ВОР: Что – Вор?! У меня какое было право?! Да хоть когда?!

ЕРОФЕЙ: Вспомнил! Я шел по лестнице вверх! А там был дом, через дорогу от лестницы! И я что-то нес!

ВОР: Полуавтомат!

ГРЕК: (обнимает Ерофея) Ероша!

ВОР: Бомбу ты нес!

ЕРОФЕЙ: Квадратное. Вот такое. В газете.

ГРЕК: Книгу!

ЕРОФЕЙ: Нет.

ГРЕК: Всмотрись!

ВОР: Коробку конфет! Или духи для своей девчонки! Или себе обнову! Ботинки, там, сандалеты, тапочки!..

ЕРОФЕЙ: «Рождение Венеры»!

ВОР: Ты нес?..

ЕРОФЕЙ: На стене. Репродукция.

ВОР: Ты ж по лестнице шел!

ЕРОФЕЙ: Там, где был обыск!

ГРЕК: У него картинка поменялась!

ЕРОФЕЙ: «Рождение Венеры» и еще...

ГРЕК: «Даная»?

ЕРОФЕЙ: Ты тоже там был?!

ВОР: А я что говорил про этого Грека?!

ГРЕК: Я предположил, что еще там могло быть фривольного, на их взгляд, содержания! Я хочу тебе помочь, Ерофей! Называю, что вспоминается! «Завтрак на траве»?

ЕРОФЕЙ: Нет.

ГРЕК: «Обнаженная маха»?

ЕРОФЕЙ: Да!

ВОР: А подмышкой у тебя?..

ЕРОФЕЙ: Сверток.

ВОР: Ты говорил – коробка!

ЕРОФЕЙ: То в другой раз. А когда я вышел из дому, при мне был сверток!

ГРЕК: Но ты шел домой!

ЕРОФЕЙ: Это – потом! Или – раньше! А тогда я вышел из дому. Еще мне кошка дорогу перебежала, и она ахнула,

а я засмеялся.

ВОР: Кошка ахнула?!

ЕРОФЕЙ: Женщина.

ГРЕК: Эстрелья?

ЕРОФЕЙ: Голос помню и руку. Она меня взяла за рукав...

ВОР: Эсперанса? Небось, линял от нее, вот она в тебя и вцепилась!

ЕРОФЕЙ: Не вцепилась!

ВОР: Ты ж ей дома еще, перед тем, как отчалить, сказал, мол, все, дорогая, конец игре! Отсюда и сверток!

ЕРОФЕЙ: Полуавтомат?...

ГРЕК: Тише!

ЕРОФЕЙ: Полуавтомат и две обоймы... Куда я с этим шел?!

ГРЕК: Куда?

ВОР: Стоп! Это ж вы про усатого! Он шел с полуавтоматом, а ты – с коробкой конфет!

ЕРОФЕЙ: Мы еще надеялись оказать сопротивление...

ВОР: Не смей!

ЕРОФЕЙ: Казалось, не все потеряно, и если организованно выступить...

ВОР: Заткнись!

ЕРОФЕЙ: У нас лидер был, Светозар. Ему верили...

(Входит Тихон, с ним Эстрелья и Эсперанса, молодые яркие девицы)

ТИХОН: Ну, Ероша, и набегались мы!

ЕРОФЕЙ: Дайте!!

ТИХОН: Ты все о книжке? Не сыскалась пока! Зато гляди, кого я привел! Товарищ комендант велел найти и доставить. Чтоб уж, если с книжкой ничего не получится...

ЕРОФЕЙ: Нет!!

ТИХОН: Не по нашей вине, Ероша. Но, чтоб не нарушать гуманистическую традицию, он лично распорядился отыскать их. Вот эта – Эсперанса, а эта – Эстрелья. Смелее, девчата, будьте, как дома!

(Девушки жмутся друг к другу и к двери)

ТИХОН: Что, не узнаете? Сколько лет, сколько зим? Так и он вас не узнал, девоньки! Ничего, посидите тут, пообщаетесь...

ЕРОФЕЙ: А моя книга?..

ТИХОН: Заладил! Подруги – не в счет последнего желания, Ерофей. Считай это подарком от коменданта. Призом за примерное поведение. (Вору) А ты, мразь...

ВОР: Что, начальник? В смысле, товарищ...

ТИХОН: Только протяни лапы! (выходит)

ГРЕК: Вы...присаживайтесь.

ЭСТРЕЛЬЯ: Спасибо, нам и здесь хорошо.

ГРЕК: Мы не кусаемся.

ВОР: Мне начальник не даст, а эти... Эти вполне уже безобидные! Вы, значит, Эстрелья?

ЭСПЕРАНСА: Она – Эстрелья, а я – Эсперанса. А ты – Ерофей Микулин?

ВОР: Да Боже упаси! Это вот он – Ерофей.

ЭСТРЕЛЬЯ: Ну, тогда добрый день, Ероша!

ЕРОФЕЙ: День? А какой сегодня день?

ЭСПЕРАНСА: С утра был понедельник. (отшатывается, так как Ерофей, заметив у нее на руке часы, бросается к ней и хватает за руку) Ой, ты чего?! Ой, мамочки!

ЕРОФЕЙ: Часы!

ЭСПЕРАНСА: Эй, полегче! Руку сломаешь!

ЭСТРЕЛЬЯ: Козел!

ЕРОФЕЙ: Четверть пятого! Грек!

ГРЕК: (указывая на папку) Мы успеем, Ероша, мы все успеем...

ВОР: Во придурки! Нет бы девчонок порасспросить! Как оно там, девчонки?

ЭСПЕРАНСА: Где?

ВОР: За стенами.

ЭСПЕРАНСА: Как всегда.

ЭСТРЕЛЬЯ: С утра дождик шел, потом распогодилось.

ЕРОФЕЙ: А какое время года?

ЭСТРЕЛЬЯ: Весна.

ЭСПЕРАНСА: Тринадцатое апреля.

ЕРОФЕЙ: У меня день рожденья. Завтра. А меня уже не будет.

ВОР: Вот же суки легавые!

ЕРОФЕЙ: Да нет, это я так. Все нормально. Даже девушек

в гости привели...

ВОР: Землетрясения не было?

ЭСПЕРАНСА: Нет, с чего бы?

ВОР: И автобусы ходят?

ЭСПЕРАНСА: Ходят.

ВОР: И люди?

ЭСПЕРАНСА: И люди. Не летают пока.

ВОР: А цирк в этом году приезжал?

ЭСПЕРАНСА: Не знаю. (Эстрелье) Приезжал цирк?

ЭСТРЕЛЬЯ: И я не знаю. Нет, кажется.

ВОР: Плохо!

ЭСПЕРАНСА: А вам не без разницы?

ЭСТРЕЛЬЯ: Вас в цирк, что ли, водят?

ВОР: Для ребятни плохо.

ЭСТРЕЛЬЯ: У тебя дети есть?

ВОР: У дружка моего, Доцента, четверо осталось, а я... У меня никого нет! Но если ты пособишь... Шучу! Вас потискаешь, как же! Тишка, небось, под дверью торчит! Товарищ воспитатель!.. Затих!

ЭСТРЕЛЬЯ: Нам сказали, нас очень хочет видеть один знакомый.

ВОР: А он не хочет! Эй, Ерошка! Девчонки обижаются!

ЭСПЕРАНСА: А ведь я его где-то видела...

ВОР: Точно?

ЭСПЕРАНСА: Не точно, а может быть.

ВОР: А вы кто вообще? Я к тому, что вы по-нашему – без

акцента, и выраженьица...

ЭСПЕРАНСА: Да свои мы, свои!

ЭСТРЕЛЬЯ: Родители выпендрились, назвали по-иностранному.

ВОР: Вы, что ль, сестры?

ЭСПЕРАНСА: Все мы братья и сестры! Подвинься! В ногах правды нет, сестренка, а мы сюда, судя по всему, надолго...

ВОР: Вы, небось, секретаршами где-то в офисе? Не на стройке же с таким экстерьером!

ЭСПЕРАНСА: А что?

ВОР: Да отстал от жизни, наверстываю! Забыл, как девушки выглядят!

ЭСПЕРАНСА: А кто как.

ЭСТРЕЛЬЯ: Она медсестра, а я... Я замужем!

ВОР: Да не жмись ты к двери, замужняя! Мы, считай, импотенты! Сестры! Это где ж ты, интересно, с Ершкой пересеклась?

ЭСПЕРАНСА: На какой-то вечеринке, давно. А потом меня другой умыкнул, а с ним ты осталась! Ну, вспомнила?

ЭСТРЕЛЬЯ: Да! Надо же, как люди меняются!

(Появляется Тихон, вкатывает камеру сервировочный столик, на нем – приборы, тарелки с закусками, бутылка вина)

ТИХОН: Обед, граждане!

ЕРОФЕЙ: Как, уже?! (вновь хватает Эсперансу за руку с

часами) А почему так поздно?

ТИХОН: Потому что из ресторана!

ВОР: Вот это я понимаю! Сервис!.. Молчу, Тихон Сергеевич, молчу!

(Тихон выходит, показав Вору кулак)

ЭСПЕРАНСА: За что он на тебя взъелся?

ВОР: Есть, за что. Я его дружка пришел в перестрелке.

ЭСТРЕЛЬЯ: Ужас!

ВОР: Они моих дружков уложили, ну и я в долгу не остался.

ЭСТРЕЛЬЯ: Вы... террорист?

ВОР: Налетчик я был. Они меня Вором кличут, так я не вор – я налетчик. Гангстер!

ЭСПЕРАНСА: Не вы в том году ювелирный взяли?

ВОР: Не я. Не то б озолотил тебя, красоту! Я под этим светилом лет шесть уже загораю!

ЭСТРЕЛЬЯ: Ужас. Я б не смогла.

ВОР: Куда бы ты делась! Эй! Обед стынет! Ерощка! Я разливаю, мужики?

ЭСТРЕЛЬЯ: Мамочки, тут и окорочка!

ВОР: Налетайте, девчонки!

ЭСТРЕЛЬЯ: А вы?

ГРЕК: Нам оставите, что останется.

ЕРОФЕЙ: Там... голод? За стенами?

ЭСПЕРАНСА: Всяко там.

ЭСТРЕЛЬЯ: У кого как.

ЭСПЕРАНСА: Жить можно!

ЭСТРЕЛЬЯ: Выживать.

ВОР: А детишки?.. Вот ты сказала, ты замужем?

ЭСТРЕЛЬЯ: Нет, я... В смысле, у меня нет детей.

ЕРОФЕЙ: Можно? (берет ее сумочку)

ЭСТРЕЛЬЯ: Зачем?!

ЕРОФЕЙ: Посмотреть. Я забыл, что женщины носят в сумочках, а мне надо вспомнить...

ГРЕК: Ему толчок нужен. Запах.

ЭСПЕРАНСА: Да пожалуйста! (сует свою сумку Греку)

ВОР: Выпьем, девчонки?

ЭСПЕРАНСА: За вас! Вы хоть и преступники, а тоже люди.

ВОР: Тогда уж – за Ерофея. У него день рождения на носу. Последнее.

ЭСТРЕЛЬЯ: Ужас.

ГРЕК: Этим пахло в той комнате с картинами? Так?

ЕРОФЕЙ: Похоже, но не так!

ГРЕК: То есть, там пахло женщиной?!

(Входит Тихон с подносом)

ТИХОН: Десерт!

ЭСПЕРАНСА: Ух, ты!

ЕРОФЕЙ: Торт. А свечки? Я хочу со свечками!

ТИХОН: Не положено. (выходит)

ЭСТРЕЛЬЯ: И сколько вам?..

ЕРОФЕЙ: Тридцать. Наверное. Но я не доживу, я родился вечером.

ЭСТРЕЛЬЯ: Нам не сказали...

ГРЕК: Вас как на самом деле зовут?

ЭСПЕРАНСА: Я Надька, а она – Стелка. (увидав фотографию в альбоме) Ой, гляди! Он!

ЭСТРЕЛЬЯ: Ой, точно!

ГРЕК: Кто?

ЭСПЕРАНСА: Ну, с которым мы танцевали.

ЕРОФЕЙ: Со мной?..

ГРЕК: Вы уверены?

ЭСПЕРАНСА: Где-то ж мы его видели! Не в театре же, не в кино! Или он артист?

ГРЕК: Он поэт.

ЭСПЕРАНСА: Тогда сомнительно, чтоб мы пересекались. Разве что на тусовке какой-нибудь.

ЭСТРЕЛЬЯ: Может быть. Мы ж богемные были девочки.

ЕРОФЕЙ: (роняет ее сумочку) Господи!

ЭСТРЕЛЬЯ: Ну вот, все рассыпал!

ВОР: Соберем!

ЕРОФЕЙ: Там...

ВОР: Ну, что там? Мина? Пояс шахида? Помада, платок, салфетки гигиенические, духи! Нормальные бабские вещички!

ЕРОФЕЙ: Там – это...

ВОР: Пилка для ногтей! Ты ее испугался? Покажи ему,

что этим делают!

ЭСТРЕЛЬЯ: Вас что... пытали?

ЭСПЕРАНСА: Стелка, тебя же предупреждали! Не любопытничай!

ГРЕК: Почему вы согласились прийти сюда?

ЭСПЕРАНСА: С дуба свалился? Кто моего согласия спрашивал!

ГРЕК: Вам даже не объяснили, как себя вести с нами?

ЭСПЕРАНСА: Как обычно вести! Откуда нам знать, что у вас за тюряга, почему вас тортиками кормят?!

ЭСТРЕЛЬЯ: Надька!

ЭСПЕРАНСА: Нам сказали, как назваться, а дальше – по обстановке!

ЕРОФЕЙ: По какой?

ЭСПЕРАНСА: Не сказали!

ВОР: А ты сидела, Надюшка! Скажешь, нет?

ЭСПЕРАНСА: Ну, сидела! И что?! Я в нормальной тюрьме сидела, где и быют, и жрать не дают! А у вас – вон! У вас что, папаши – олигархи, что к вам даже девочек водят?!

ЕРОФЕЙ: Она хотела выколоть мне глаз. Этим. (указывает на пилку)

ГРЕК: Она?..

ЕРОФЕЙ: Женщина-следователь в первой тюрьме. В той, где пытаются и морят голодом. Она требовала сказать, где прячется Светозар. А я не знал! А она не верила!

ГРЕК: И что?..

ЕРОФЕЙ: Я стал врать, сочинять всякие небылицы! Пока они проверяли... Мне так жутко было, так страшно!

ЭСТРЕЛЬЯ: А дальше?..

ЕРОФЕЙ: Приехал капитан, Тихон Сергеич, и увез меня сюда.

ЭСПЕРАНСА: А если б ты знал, где Светозар? Ты бы выдал?

ЕРОФЕЙ: Не знаю. Ничего теперь про себя не знаю.

ГРЕК: Не отвлекайся. Читай.

ВОР: Так за что ты сидела, крошка?

ЭСПЕРАНСА: А ни за что! В облаву угодила. Поимели, сколько надо, и выпустили.

ВОР: И политику не пришили?

ЭСПЕРАНСА: Пытались. Но я девочка сладкая. И не дура.

ГРЕК: В год переворота всех подряд обвиняли в антигосударственных настроениях...

ЭСПЕРАНСА: Я тогда еще малая была.

ЕРОФЕЙ: Тогда и детей сажали! В ком дурная кровь!

ВОР: Вспомнил!

ЕРОФЕЙ: Они так говорили: дурная кровь! Испорченный генотип! Они еще раньше начали, до того как взяли власть, через СМИ пугали вырожденками с дурным генотипом!

ВОР: Многовато вырожденков получалось!

ГРЕК: Лес рубят...

ЕРОФЕЙ: Боже! До чего надо было меня довести! Меня!

Чтобы я взял оружие!.. Мне нужен священник!

ВОР: Мы за него!

ГРЕК: Что ты вспомнил?

ЭСТРЕЛЬЯ: Я вспомнила, где видела его. На фото я его видела. Это он покушался на президента.

ЭСПЕРАНСА: Точно! По телеку показывали! И в газетах фотка была! Вот эта!

ЕРОФЕЙ: Мне нужен священник!

ВОР: На фиг!

ГРЕК: Поп здесь на штате, он тебе не поможет.

ЕРОФЕЙ: Но я... Не убил?

ГРЕК: А жаль!

ЕРОФЕЙ: Мне что-то помешало?

ЭСПЕРАНСА: Недоделанный ты был террорист! Мой отец еще прикалывался: мол, до чего выродился народ, что даже террориста приличного не нашлось! Какой-то поэтишка с бандурой!

ЕРОФЕЙ: Ты читала мои стихи?!

ЭСПЕРАНСА: Говорю же, я малая была!

ВОР: И у тебя были другие интересы! Да, Надя?

ЭСПЕРАНСА: Я моделью стать собиралась.

ВОР: Бедняжка! (обнимает ее за плечи) Я по-братски, начальник! Товарищ Тихон!

ЭСПЕРАНСА: Да ладно, чего там! Жалко тебя! Ты здесь только один и есть нормальный мужик!

ГРЕК: Так вам заплатили?..

ВОР: Вам за скольких заплатили, красотки?

ЭСПЕРАНСА: Нам – потом. Обещали. Но нам не за это.

Скажи, Аглая!

ЕРОФЕЙ: Аглая?..

ГРЕК: За что тогда?

ЭСТРЕЛЬЯ: Нам велели исполнить долг милосердия.

Утешить, отвлечь, развлечь...

ЕРОФЕЙ: Я слышал это имя – Аглая...

ЭСТРЕЛЬЯ: Меня так давно уже не зовут.

ЕРОФЕЙ: Почему?

ЭСПЕРАНСА: Потому что я не стала моделью, а она – медсестрой! Другие времена, другие имена!

ГРЕК: И нравы!

ЭСПЕРАНСА: Нравы во все времена – похожие!

ГРЕК: Просто то, что раньше делалось под кроватью, теперь делается на площади...

ЭСПЕРАНСА: Почему – под кроватью?

ГРЕК: Это я образно.

ЕРОФЕЙ: Аглая... Девушка с мальчишеской стрижкой...

ГРЕК: Ты не должен был ни о чем их просить, Ероша! Ни о чем! В том числе, и о своей книге!

ЕРОФЕЙ: Почему?

ГРЕК: Потому что они – это не мы! Они – враги! Все!

ЕРОФЕЙ: И Тихон Сергеич?

ГРЕК: Да!

ЕРОФЕЙ: И комендант?

ГРЕК: Конечно!

ЭСПЕРАНСА: Брось! Они – как мы! Такие же подневольные!

ГРЕК: Они – камни этих стен! Из них стены сделаны, на них держатся!

ВОР: Давай выпьем, Надюшка!

ГРЕК: Ты должен был закрыть себя в своих стенах! В себе! Закупориться там и держать оборону!

ЕРОФЕЙ: Я выдал кого-то? Оговорил?! (бросается к двери, стучит) Товарищ воспитатель!

ГРЕК: Сядь, Ероша.

ЕРОФЕЙ: Я выдал им Светозара?! Это я его предал?!

ГРЕК: Если и так, то тебя в тебе не было.

ВОР: Нет уж, начал, так договаривай! (кричит) Начальник! Я Ерошку не доставал! Это Грек!

ЭСТРЕЛЬЯ: Даже если ты кого-то назвал, это предательством не считается.

ЕРОФЕЙ: Потому что я – под гипнозом? Под химией? Но если я кого-то назвал, то и этого человека – тоже...

ВОР: Да слаб человек! Просто кусок мяса!

ЭСПЕРАНСА: Я в детстве читала: очень мало, кто мог выдержать пытки.

ЕРОФЕЙ: Но меня не пытали! Здесь – нет! А там... Там я им врал!

ВОР: К тебе, брат, в мозги залезли и все, что надо, скачали! Так что никого ты не предавал, успокойся! На хрен. Грек,

ты устроил здесь это шоу?! Чтоб меня в карцер сволокли?!

ЭСПЕРАНСА: Мы за тебя заступимся. Как тебя звать?

ВОР: Вор.

ЭСПЕРАНСА: А по-настоящему?

ВОР: Ванька.

ЭСПЕРАНСА: Правда?

ВОР: Тебе не без разницы? Или ты за меня свечку собралась ставить?

ЕРОФЕЙ: За меня поставь. И ты, Аглая. Пожалуйста!

ВОР: Эй, нача... Тихон Сергеич, мать твою! Выведи меня!

ГРЕК: Зачем?

ВОР: А затем, чтоб меня здесь и близко не было, когда ты его снова начнешь грузить! Мол, это он Светозара заложил!

ЕРОФЕЙ: Я – заложил?..

ВОР: Нет! Отвечаю за базар: нет!.. Начальник!!

ТИХОН: (с порога) Чего орешь?!

ВОР: Выведи! По нужде! Не могу же я при дамах – в парашу!

ТИХОН: Ты всю бутылку вылакал?

ВОР: Если бы! Надюха выпить не дура! Будь человеком, притащи нам еще одну!

ТИХОН: Может, сразу ящик? Водяры?

ВОР: Тащи! У Ерочки день рожденья! Гуляем! К сожаленью день рожденья... Как там, Надька?

ЭСПЕРАНСА: Только раз в году!

ВОР: А у него – распоследний в жизни! Ты просекаешь?!

ТИХОН: Заткнись

ВОР: Ой, хреново мне! Ой, хреново! Ой, помираю! (падает на пол, начинает биться)

ЭСТРЕЛЬЯ: Что с ним?..

ЭСПЕРАНСА: Он что, припадочный? Мог бы предупредить!

ЭСТРЕЛЬЯ: (бросается к Ворю) Да помогите же кто-нибудь! Ложку дайте!

ТИХОН: В глаз я ему дам, а не ложку! Сразу полегчает! Вставай, урод!

ВОР: Помираю!

ЭСТРЕЛЬЯ: У него приступ!..

ТИХОН: Симулянт! Актер! Он сюда к нам с пересылки попал, потому что гениально импровизировал!

ВОР: (встает с пола) Ты же сам меня искал! Скажешь, нет? Все каталажки облазил! Я же здесь на тебя работаю! Стимулятором твоей служебной энергии! Ты подсуетился, чтоб нам этот цирк подогнали?

ТИХОН: Не я. Товарищ комендант. Ты идешь?

ВОР: Иду, товарищ, так точно! (выходит с Тихоном)

ЭСТРЕЛЬЯ: (Ерофею, тихо и быстро) Светозар Иванов – на воле!.. Я тебя узнала, Ероша. Я тебя помню.

АКТ ВТОРОЙ.

(Та же камера. Ерофей и Грек читают материалы дела. Возле Грека сидит Эсперанса, рядом с Ерофеем – Эстрелья)

ЭСПЕРАНСА: Уткнулись оба! И что там такого интересного!

ГРЕК: (Ерофею) Тут о твоём детстве, юности – ничего, а это важно понять... Ты ведь из так называемой приличной семьи. Отец – профессор.

ЕРОФЕЙ: Его расстреляли. Кажется.

ЭСТРЕЛЬЯ: Тогда интеллигентов – их аристократами называли – всех проредили. Это термин такой.

ГРЕК: Я понял.

ЭСТРЕЛЬЯ: Врачей, медсестер – тех первых, учителей. Твой отец преподавал в Универе мертвые языки.

ЕРОФЕЙ: Мертвые... Все мои – мертвые...

ЭСТРЕЛЬЯ: Отца – первого из вашей семьи. Тогда ты и решился...

ГРЕК: Ты так хорошо знаешь его семью?

ЭСТРЕЛЬЯ: Да. Я – Аглая. Была.

ЭСПЕРАНСА: Угомонись уже, Стелка! Кто прошлое помянет... Сама знаешь, что дальше!

ЕРОФЕЙ: Глаз!

ГРЕК: Не отвлекайся! Читай! Между строк читай!

ЭСТРЕЛЬЯ: Почитай лучше стихи.

ЕРОФЕЙ: Не могу! Ну, как отрезало, поверишь?! Ни строчки!

ЭСТРЕЛЬЯ: Отрезало...

ГРЕК: Кажется, я реконструировал твою жизнь.

ЕРОФЕЙ: Ты меня знал?

ГРЕК: Я теперь тебя узнаю.

ЭСПЕРАНСА: Что-то Ваньки долго нет!

ГРЕК: Если ты про Вора, то... Наверное, пришел его час!

ЭСПЕРАНСА: Какой еще час?

ГРЕК: Подвергнуться оздоровительно – воспитательным процедурам. Не спрашивай, что это означает! Кабинет, люди в белом, кресло, кушетка, стол. Все! Дальше – беспамятство!

ЭСТРЕЛЬЯ: А потом?

ГРЕК: Потом все болит. И слабость.

ЕРОФЕЙ: А потом – все равно.

ГРЕК: Но способность здраво мыслить, совершать адекватные поступки – это не утрачивается. И агрессивность не появляется. Скорее, наоборот.

ЭСПЕРАНСА: Человек человеку – друг, товарищ и брат? Каждый – любому?

ЕРОФЕЙ: Да.

ГРЕК: А теперь дайте нам поработать. Пожалуйста!

ЭСПЕРАНСА: Чтоб я так работала!

ГРЕК: Боже ты упаси! Ероша! Старушка на скамье – твоя бабушка! Ты же вспомнил старушку! А это – твоя собачка, вот твой шкаф с книгами. Твоей любимой книгой была... Помоги!

ЕРОФЕЙ: У меня было много любимых книг. В разное время – разные!

ГРЕК: Да! Я твой дом вижу, как наяву! Как будто это мой дом! И море! Такое синее!

ЕРОФЕЙ: А что еще бывает синим?

ЭСПЕРАНСА: Васильки!

ЭСТРЕЛЬЯ: (смотрит в упор на Ерофея) Глаза.

ЕРОФЕЙ: Еще!

ЭСТРЕЛЬЯ: Еще – небо!

ЭСПЕРАНСА: Ой, да что ж это с вами сделали!

ЭСТРЕЛЬЯ: Я тебе нравлюсь?

ЕРОФЕЙ: Мне твое имя нравится. Оно – синее.

ГРЕК: Оранжевое. В белый и зеленый цветочек!

ЭСТРЕЛЬЯ: Цветочки не бывают зелеными. Только трава.

ГРЕК: Значит, твое имя напоминает мне луг. Ероша, ты помнишь луг? Вы ездили туда на пикник. Твои друзья, твоя девушка...

ЕРОФЕЙ: Здесь нет такой фотографии.

ГРЕК: Есть. Но не там, а тут. (прижимает ладонь к груди)

Повспоминай этим местом.

ЭСПЕРАНСА: (Греку) А тебя-то сюда за что?

ГРЕК: Кажется, я подрался с полицейским.

ЭСПЕРАНСА: И сильно ты его отоварил? Обидно, если не сильно!

ЭСТРЕЛЬЯ: Почему ты столько всего помнишь, а он...

ГРЕК: Потому что я за себя борюсь.

ЭСТРЕЛЬЯ: А смысл?

ГРЕК: Во мне. В моей личности. В невозможности ее кастрировать, подмять под сапог. Они могут убить меня, но это

все, что они могут.

ЭСПЕРАНСА: Понятно. Тогда и Ванька вернется, каким ушел!

ГРЕК: Он тебе... глянулся?

ЭСПЕРАНСА: Нормальный мужичок. Не будь там того, что есть, мы б с ним совпали по-серьезному.

ЕРОФЕЙ: А что там?

ЭСТРЕЛЬЯ: Не надо, Надька! Мне и так страшно!

ЭСПЕРАНСА: А чего говорить? Ванька – тут, я – там. А стены – они и в Африке стены!

ЕРОФЕЙ: Там тоже стены? Какие?

ЭСПЕРАНСА: Зданий! Здания, Ероша, это такие дома! Постройки из камня, дерева, подручных материалов...

ЭСТРЕЬЯ: Надька!

ЭСПЕРАНСА: Некоторые – с оградами! А еще есть заборы...

ЭСТРЕЛЬЯ: Перестань!

ЭСПЕРАНСА: Да, что-то я раздухарилась. Не к добру...

ЕРОФЕЙ: У Аглаи была синяя блузка. В тот день. В мой последний свободный день. Мы тогда были вместе?

ЭСПЕРАНСА: Не молчи! Скажи – да! Вам было хорошо вместе!

ЕРОФЕЙ: Ты сказала, ты меня помнишь? Но прошло десять лет! Ты не можешь быть такой, как сейчас... тогда.

ЭСПЕРАНСА: Три года прошло!

ЭСТРЕЛЬЯ: Вас обманули.

ЕРОФЕЙ: Ты совсем не изменилась, а я...

ЭСПЕРАНСА: Над ней опытов не делали!

ЭСТРЕЛЬЯ: И я изменилась.

ЕРОФЕЙ: Вышла замуж.

ЭСПЕРАНСА: На панель она вышла!

ЕРОФЕЙ: Нет!!

ЭСТРЕЛЬЯ: Мне надо кормить ребенка.

ЕРОФЕЙ: У нас кто-то родился?..

ЭСТРЕЛЬЯ: Девочка. Слабенькая очень.

ЕРОФЕЙ: Господи! Я не знал...

ЭСПЕРАНСА: Толку, что узнал! Она ж одна, как перст Божий, Стелка! Родаков – под прорядку, брательник без вести пропал. Мой тоже, кстати. Правда, говорят, жив. За границу сбег... Знаете, кто он?

ЭСТРЕЛЬЯ: Надька!

ЭСПЕРАНСА: Светозар Иванов!

ГРЕК: Неправда!

ЭСПЕРАНСА: Меня ж не за блядство в первый раз взяли – за брата! Я тогда еще чистая была девушка!

ЭСТРЕЛЬЯ: Надька, замолчи!

ГРЕК: Нас же слышат!

ЭСПЕРАНСА: А пусть! А то они не знают! Умерла Надя Иванова! Сдохла в СИЗО от изнасилования дежурной ротой! Теперь я – Эсперанса, веселая девочка!

ЭСТРЕЛЬЯ: А я – Стелла. По паспорту. А по работе – Эстрелья.

ЕРОФЕЙ: А наша дочь?..

ЭСТРЕЛЬЯ: В приюте. Таким, как я, детей растить не положено.

ЕРОФЕЙ: Ты ее видишь?..

ЭСТРЕЛЬЯ: Когда есть, что воспитателям сунуть, вижу.

Пару минут.

ЕРОФЕЙ: Я не хочу умирать! Я не хочу! Не согласен! Да где же, черт возьми, этот Светозар?! На него так надеялись! Верили! А он!..

ГРЕК: Не кричи!

ЕРОФЕЙ: Он шкуру свою спасает! Сидит где-то на курорте! В Женеве!

ЭСПЕРАНСА: Не клевети на моего брата!

ЕРОФЕЙ: Они все – по Женевам, а мы – помирай! Разлагайся тут заживо!

ЭСПЕРАНСА: Вот и не разлагайся! Заткнись! Он дело делает!

ЕРОФЕЙ: Какое?!

ЭСПЕРАНСА: Мне забыл доложить!

ГРЕК: Тихо! Раз он знает, что его родная сестра... Знает, чем она зарабатывает на жизнь... Раз он ее не забрал в Женеву...

ЭСПЕРАНСА: Он вернется! Соберет людей и вернется!

ЭСТРЕЛЬЯ: Надька!! Ты доболтаешься, что мы не выйдем отсюда!

ГРЕК: Да, ты... Не надо так больше.

ЕРОФЕЙ: Все равно они уже слышали...

ЭСПЕРАНСА: Я и повторить могу! Мой брат Светозар Иванов ни свою страну, ни меня в такой жопе не кинет! А если я отсюда не выйду... Так здесь хоть кормят! И подкладываться под кого попало не надо! Ведь не надо? Грек? Тебя, кстати, как звать? Или ты тоже Ванька?

ГРЕК: Я – Грек.

ЭСПЕРАНСА: Ты ж не беспамятный!

ГРЕК: Я – Грек. Мы отвлеклись, Ерофей, а время идет!

ЕРОФЕЙ: Я его знал, Светозара?..

ЭСТРЕЛЬЯ: Шапочно.

ЕРОФЕЙ: А когда меня взяли... Ты была со мной? Я ведь не дошел. Кажется. С полуавтоматом.

ЭСТРЕЛЬЯ: Не дошел. А расстались мы в сквере. Ты меня отправил домой. Я слышала потом – по новостям – что ты почти дошел, но ты очень нервничал, и этим привлек к себе внимание охраны.

ЕРОФЕЙ: Какой я был идиот! Ничего не сделал! Мой ребенок в приюте, стихи пропали, и даже этого уродца, этого хищного отморозка я не пристрелил... Грек! Я заслуживаю смерти! Уже за то, что я ничего не сделал.

ЭСТРЕЛЬЯ: Иди ко мне! Да, да! Смелее!.. (ласкает его)
Не смотри туда. Здесь только ты и я. Как тогда.

ЕРОФЕЙ: Я не могу...

ЭСТРЕЛЬЯ: Все ты можешь.

ЕРОФЕЙ: Нет...

ЭСТРЕЛЬЯ: Все будет, как тогда. А потом ты вспомнишь стихи. Ты много чего вспомнишь...

(Дверь открывается. Входит Вор, и дверь за ним закрывается)

ВОР: Ох ты, как я некстати!

ЭСПЕРАНСА: Принесла нелегкая!

ВОР: Такую красоту обломал!

ЭСПЕРАНСА: Ну, и где ты был?

ВОР: С Тихоном играл в шахматы!

ГРЕК: Что?..

ВОР: Кроме шуток! Он ведь тоже страшно здесь одинокий. С начальством не поиграешь, с вами не пообщаешься, а старый враг, он порой лучше друга!.. Чего вы на меня уставились? Каким я был, таким я и остался, как пелось в одной древней песне!

ЕРОФЕЙ: (резко) Который час?! Надя!

ЭСПЕРАНСА: Восемнадцать пятнадцать.

ЕРОФЕЙ: Не нашли! Значит, и не найдут!

ВОР: Ты про книжку? Забудь уже!

ГРЕК: Да, давай закончим реконструкцию тех событий...

ЕРОФЕЙ: Не хочу. Я уже все про себя понял.

ВОР: Что ты понял?

ЕРОФЕЙ: Я надеялся на стихи. Что они меня оправдают...

ЭСТРЕЛЬЯ: (Эсперансе) Ничего не получится.

ЭСПЕРАНСА: А то! Кем надо быть, чтоб перед смертью

на бабу лезть?

ВОР: (Эсперансе) Ну, чего ты там сидишь, одинокая такая? Иди, отопрею!

ЭСПЕРАНСА: Отстань.

ЕРОФЕЙ: (Эстрелье) Ты была со мной, когда меня взяли! Мы были вместе, и тут они ворвались! В комнату с картинами! А у тебя была блузка синяя! Густого синего цвета!

ЭСПЕРАНСА: Путаешься! Тебя на улице замели!

ЕРОФЕЙ: Путаюсь...

ВОР: (Эсперансе): Ты из какого борделя?

ЭСПЕРАНСА: Рассчитываешь проведать? Первая подворотня направо!

ВОР: А ты не шлюха!

ЭСПЕРАНСА: Все мы шлюхи, кто там выжил, за стенами! А ты не Ванька. И не вор.

ВОР: Верно. Десять банок тушенки мы с Доцентом со склада сперли. Тикать стали, тут его и пришили. И его и третьего нашего, Карася. А я ушел. Отстреливался и одного уложил. Как на грех, лучшего кореша товарища воспитателя!

ЭСПЕРАНСА: Тоже и он был человек подневольный, детей имел...

ВОР: Его детям за него пенсию платят, а у Доцента четверо осталось, голодных.

ЭСТРЕЛЬЯ: В приюте.

ВОР: Почему?!

ЭСТРЕЛЬЯ: Детей бандитов и других генетических уро-

дов государство на перевоспитание забирает.

ЭСПЕРАНСА: Так что не голодные сироты. Впроголодь – не значит голодные.

ВОР: Мать-перемать!

ЭСПЕРАНСА: А то ты не знал! Ваньку валяешь!

ВОР: Я Ванька, потому что валяю Ваньку. Умею и люблю... Шли бы вы отсюда подобру-поздорову, девки. Здесь люди не срок тянут, а служат интересам науки!

ЭСПЕРАНСА: Это как?

ВОР: А вот этого – не знаю! Меня Тишка бережет, товарищ воспитатель! Ему без меня тошнехонько будет!

ЭСТРЕЛЬЯ: А они... Не мужики больше?

ВОР: Я нормальной ориентации, так что вопрос не ко мне! Может, ты и раскочегарила бы Ерошку, если б я не вошел! С чего б иначе он трендел про синюю блузку?

ЭСТРЕЛЬЯ: Он блузку помнит, а не девчонку.

ВОР: А с ним не ты была, нет?

ЭСТРЕЛЬЯ: Какая разница!

ВОР: Теперь – никакой!

ГРЕК: Эстрелья и Эсперанса...

ЕРОФЕЙ: (Эстрелье) Что они с тобой сделали? Когда забрали меня?

ЭСТРЕЛЬЯ: Не надо об этом.

ЕРОФЕЙ: Сволочи! Ненавижу!!

ГРЕК: Ероша!..

ЕРОФЕЙ: А я и перед смертью должен кричать, как я их

всех люблю?! Президента! Коменданта! Какие они все лапочки! Мне терять нечего! Я все уже потерял! Себя!!

ВОР: Ого!

ЭСТРЕЛЬЯ: Надя, мы отсюда не выйдем.

ГРЕК: Успокойтесь! Все хорошо.

ЕРОФЕЙ: Что?!

ВОР: Тебе не все стало по барабану. Ты сам-то заметил?

ЕРОФЕЙ: Грек, что они тебе говорили, когда ты открыл глаза? Люди в белом? Что все хорошо?

ЭСТРЕЛЬЯ: Я больше не увижу свою дочурку?!

ГРЕК: Они радовались. Я так понял, у них не со всеми удавалось, не все. Кто-то с ума сходил, кто-то умирал...

ЭСТРЕЛЬЯ: Я хотела заработать побольше и забрать ее домой на недельку!

ГРЕК: А мне они кричали: «Грек! Ты гомо скотинус! Скот разумный! Новый вид гомо!».

ЕРОФЕЙ: Скот будущего!.. Аглая, у тебя нет фотокарточки? Девочки?

ЭСТРЕЛЬЯ: (снимает медальон с шеи, протягивает) Вот.

ЕРОФЕЙ: На меня похожа! Грек! Вор!

ВОР: Вылитая ты.

ГРЕК: А это кто? В другой половинке?

ЭСТРЕЛЬЯ: Брат.

ГРЕК: На меня похож...

ВОР: На Ерофея он похож! Из того альбома! Чужого.

ГРЕК: Ты опять?!

ЕРОФЕЙ: (бросается к альбому, вырывает одну из фотографий) Аглая! Спрячь! Передашь ей, когда она вырастет. И все-все ей о нас расскажешь! Всю правду! И что я писал стихи! Наверное, я и о тебе писал! А если найдется книга, если у кого-нибудь она сохранилась, вы прочтите ее! Вместе! И помяните меня!

ЭСПЕРАНСА: Это если сами не двинем кони!

ЕРОФЕЙ: Бог того не допустит! Нельзя! Вы поставьте за меня свечку в храме!

ГРЕК: И за меня.

ЭСПЕРАНСА: А тебя звать-то как?

ГРЕК: Грек. Просто Грек.

ВОР: А я – Сидорец Иван. Запомнишь, Надюшка?

ЭСПЕРАНСА: Все-таки Ванька?

ВОР: Ванька!

ГРЕК: Твой брат жив, Надя. Он вернется, он освободит нас. Я вижу.

ЭСПЕРАНСА: Где?! В магическом кристалле?!

ГРЕК: В себе. Я – магический кристалл, моя душа, то, чем я связан с Космосом, с Богом...

ЭСПЕРАНСА: Нет, они точно сумасшедшие! Стелка! (стучит в дверь) Эй, как вас там?! Откройте!

ВОР: Не дури!

ГРЕК: Чем я так тебя напугал?

ЭСПЕРАНСА: Тем, что псих!.. Эй! Выпустите меня!.. Моего брата расстреляли еще при первом диктаторе! Пре-

зиденте!

ЕРОФЕЙ: Первом?..

ГРЕК: А сейчас – который?

ЭСПЕРАНСА: Четвертый!

ГРЕК: За три года?..

ЭСПЕРАНСА: За десять! Подругу он нашел! Встретил!

Стелке двадцать! А ты – старик!

ГРЕК: Про президента можно – подробней?

ВОР: Первый, вояка, месяцев шесть проправил, потом гражданский пришел, как бы в ходе выборов. На выборы народ не пошел, боялись, что всех прямо на участках замочат...

ГРЕК: Ты нам не рассказывал...

ВОР: А что б вам это дало? Тишка мне велел рот держать на замке на тему политики – мол, вы от стрессов дубу дать можете, и накроется эпохальный эксперимент.

ЕРОФЕЙ: А теперь – почему?..

ВОР: Потому что девок привели! Из-за стен! А почему их привели – вопрос не ко мне!

ГРЕК: Так, а дальше?..

ЭСПЕРАНСА: Никакого дальше!

ЕРОФЕЙ: У нас что, больше нет народа? Всех выбили?

ВОР: При мне еще имелся. Тот вожак, второй, трудовую повинность ввел – для подъема экономики. За баланду пахали, где кому прикажут. Тогда многие и занялись...экспроприацией экспроприаторов! Как мы с Доцентом, кому облом

было особняки этим уродам строить.

ЭСПЕРАНСА: Да вы и нас грабили, нищих! Все друг дружку грабят!

ЭСТРЕЛЬЯ: Не все. На взаимовыручке держимся.

ЭСПЕРАНСА: Это мы. А эти, джентльмены удачи, они кто в охрану, кто в каратели, кто в сутенеры подались. Тоже лютуют! А как разборки у них начинаются с властями или между собой – это тушите свет и прячьтесь в погреб: оккупанты идут!

ЕРОФЕЙ: И вы терпите?..

ЭСТРЕЛЬЯ: Мы уже ни во что не верим.

ВОР: А живете тогда зачем? За жизнь цепляетесь?

ГРЕК: Эстрелья и Эсперанса...

ЭСПЕРАНСА: Заладил! Живем, потому что живы!

ГРЕК: Звезда и надежда...

ЭСПЕРАНСА: Духи клиент подарил, в ресторане накопил – уже радость! А надежда умерла! Вместе со Светозаром!

ЕРОФЕЙ: Он жив!

ЭСПЕРАНСА: Ты знаешь?! Сидишь тут! Вот! (выхватывает из сумки мятый платок в бурых пятнах) Мне сержант один, каратель, отдал за серьги! Это его кровь!

ГРЕК: Не обязательно.

ЭСПЕРАНСА: Его платок! Тут инициалы его – С.И.

ГРЕК: Таких платков, с такими инициалами...

ЭСПЕРАНСА: Эти я вышивала!

(Входит Тихон)

ТИХОН: Что здесь опять за вопли?

ВОР: Это не я. Это вот она. Выйти хочет.

ЭСТРЕЛЬЯ: Вы нас выпустите? Прямо сейчас?

ТИХОН: Попозже.

ЭСПЕРАНСА: Сейчас!

ТИХОН: Они вас обижают?

ЭСТРЕЛЬЯ: Нет, но мы устали. Нам еще вечером работать.

ТИХОН: Вечером будете отдыхать. (Ерофею) Книгу мы ищем, так что не переживай. (выходит)

ВОР: Верь в чудо!

ЭСТРЕЛЬЯ: Что еще остается!

ВОР: Может, скажете, для чего вас – сюда? Колитесь!

ГРЕК: Про высокий гуманизм тюремного персонала и свято соблюдаемые традиции – не надо. Это мы уже слышали.

ЭСТРЕЛЬЯ: Они нам сказали развлечь вас, расшевелить. Зачем – не сказали.

ЭСПЕРАНСА: Может, опыт какой проводят.

ВОР: Типа проверить хотят, правда ли их убьет это! Правда жизни! Стресс! Ну, и секс! Не будет ли отката из бессознательности!

ЕРОФЕЙ: Мы похожи на дебилов?

ЭСТРЕЛЬЯ: Нет.

ГРЕК: Листья коки.

ВОР: Чего?

ГРЕК: Аналог. Листья коки повышают физическую выносливость, но притупляют способность к сопротивлению. Человек всем доволен, со всем согласен, при любой власти ему – комфортно. Чтоб с ним ни делали, ему хорошо. Ни малейших возражений. Никакого стремления переиграть ситуацию. Фюрер думает за нас! Наш президент – идеальный повелитель страны!

ЭСПЕРАНСА: Почему же ты так не думаешь?

ГРЕК: Я – магический кристалл!

ВОР: А серьезно?

ГРЕК: Душа – не материальное тело, она не живет по физическим законам, ребята, ее в стенах не запрешь и кокой не одурманишь.

ВОР: Не понял!

ГРЕК: А ты с ней пообщайся – как с главной составляющей себя!

ВОР: То есть, ты только прикидывался скотиной разумной?

ГРЕК: Нет. Я и правда забыл свое прошлое. Но они проводят свой опыт, а я – свой, и еще неизвестно, кто победит.

ЭСПЕРАНСА: Флаг тебе в руки! Я б свое прошлое с радостью забыла!

ГРЕК: Без него тебя нет.

ЭСПЕРАНСА: Меня и так нет. Одно тело. Мясо.

ЕРОФЕЙ: Спасись, Аглая. Даже если ты не Аглая, и наша

дочь – не моя...

ЭСТРЕЛЬЯ: Хочешь, я тебе почитаю твои стихи?

ЕРОФЕЙ: Ты?..

ЭСТРЕЛЬЯ: Ты танцевала желто, ало,

Мешались с ритмом светотени,

И начиналась жизнь сначала

С началом нового движенья.

Как Вечность ты заморозила

Запретной простотой отгадки

Всего, что вокруг тебя кружило...

ГРЕК: Нет, нет! Это не ты писал! Ты не слышишь?

ЕРОФЕЙ: Не слышу. Во мне сломали это, чем слышат... Я

пустой.

ЭСПЕРАНСА: Я когда-то рассказ читала. О человеке, приговоренном пожизненно. Над ним тоже сделали опыт...

БОР: Читала она!

ЭСПЕРАНСА: Представь себе! Так вот: тому человеку дали простой воды, а сказали, что это такое особенное лекарство, и если он его выпьет, то станет птицей и улетит на волю...

ЕРОФЕЙ: Птицей? Какой?

ЭСПЕРАНСА: Не важно! Короче, утром вошли в камеру, а в ней пусто! А на полу под окном – перо!

ГРЕК: «Я тоже стану птицей, когда придет мой срок...»

ЕРОФЕЙ: Я хочу быть человеком, Аглая. Все вспомнить. Это не важно, сколько мне осталось быть, помнить... Надя,

сколько на часах?

ЭСПЕРАНСА: Они встали.

ЕРОФЕЙ: Всю ночь мы жгли документы. С кем-то. Я и свои сжег. В чужой квартире с репродукциями картин. Ты была там со мной? Аглая?

ЭСПЕРАНСА: Стелла. Ее парнишка в облаву попал четыре года назад. С концами. От него у нее дочка.

ЕРОФЕЙ: Люди любили, мечтали о детях, стихи читали, и вдруг... Почему так?!

ЭСТРЕЛЬЯ: Именно потому. Грабить и убивать нам не нравится, а власть не нужна и даром. Мы обычные люди, рожденные для обычной жизни, но мы ее любим, и этим им всем мешаем. Всяческим вождям и жрецам.

ЕРОФЕЙ: Вот теперь я – слышу! Аглаю.

ЭСТРЕЛЬЯ: Они нас все время пытаются переделать. То в солдатиков-зомби превратить, то в тупую рабочую скотинку, но у них все время не получается. Конечный продукт оказывается – не тот!

ЕРОФЕЙ: Но они и дальше пытаются...

ЭСТРЕЛЬЯ: Я училась в Университете, Ероша. На филологии. При втором президенте еще училась, а при третьем закрыли наш Универ. Вернее, сделали частным, для детей элиты.

ВОР: Я ж говорил! Но это раньше началось, при демократах! Они все это спровоцировали!

ГРЕК: Боролись мы с ними, боролись и доборолись!

ЭСПЕРАНСА: Плохо, значит, боролись!

ВОР: А брат твой где был?!

ЭСПЕРАНСА: А вы забыли, как его всегда задвигали?!

Что правящая партия, что оппозиция! Те козлы друг с другом только с трибун рубались! На одних они банкетах гуляли и против Светозара все вместе перли! Единым фронтом! Вы где тогда были, правильные такие?! Почему его партия в парламенте только девять голосов получила?!

ЕРОФЕЙ: Мы уже тогда ни во что не верили.

ГРЕК: Он имеет в виду массы, электорат. Потому что мы как раз таки работали на партию Светозара. Поэтому, наверное, и сидим здесь. В качестве подопытных кроликов.

ВОР: И я?

ГРЕК: Ты – блатной.

ВОР: Да, меня Тихон Сергеич держит здесь, чтобы я смотрел на вас и портки пачкал со страха.

ГРЕК: Не дамся. Пока дышу, жив – не сделать им из меня кусок протоплазмы!

ВОР: Ты б не очень! А то придут, кольнут, с Ерошей не попрощаешься.

ГРЕК: Я – человек! У меня есть душа, судьба! Моя личностная история! Имя! Я... Грек! Я – Грек! Я – Грек!..

(В кабинете Коменданта Комендант и Тихон пьют чай с баранками)

КОМЕНДАНТ: Ну, что там, есть какие-то подвижки?

ТИХОН: Болтают. Что синее бывает, что желтое...Бред

несут.

КОМЕНДАНТ: А девицы?

ТИХОН: Одна пыталась любовью заняться с Ерофеем, но он бы не смог, я поэтому его от стресса избавил. От негатива. Вора привел...

КОМЕНДАНТ: Ерофею уже никакой негатив не страшен, он у нас отработанный материал. А вот как бы он повел себя с женщиной... На это любопытно было взглянуть. Что в нем могло проявиться, заговорить!.. Переусердствовал ты, Тихон Сергеич. Гуманизм гуманизмом, а интересы дела на первом месте.

ТИХОН: Виноват.

КОМЕНДАНТ: Баранки бери... Ничего бы у них там, конечно, не получилось. Обстановка не та! Ерофею Микулину для интима свечи нужны, шампанское, музыка... Он у нас не дикий гунн, не ордынец... Был.

ТИХОН: Еще есть.

КОМЕНТАНТ: Чисто условно. Грек – что?

ТИХОН: Что обычно. Исключительностью своей похвастается, невосприимчивостью к процедурам.

КОМЕНТАНТ: Но он – Грек? По-другому не назывался?

ТИХОН: Никак нет.

КОМЕНТАНТ: Ты чай пей, сидишь тут, как не родной... Мы с тобой, сколько вместе в стенах этой твердыни?

ТИХОН: Со дня основания.

КОМЕНТАНТ: То-то! Субординация субординацией, а

совместный отдых – дело святое. Расслабься. На девиц не ведется, значит, наш Грек, а в воскрешение Светозара верит! Упертая bestia!

ТИХОН: Светозар – это же просто символ

КОМЕНДАНТ: Не просто, пока кто-то на него уповает.

ТИХОН: Уповают. И здесь, и за стенами.

КОМЕНДАТ: Люди во все века спасались от правды жизни легендами, а в них глубинной правды порой куда больше, чем в официальных исторических хрониках.

ТИХОН: Надо было Светозара предъявить толпе. Мертвого.

КОМЕНДАНТ: Символы бессмертны, Тихон Сергеич. Толпа бы его обязательно воскресила или, того пуще, возвела в ранг святых.

ТИХОН: Что же делать?

КОМЕНДАНТ: Христос терпел и нам велел, а торопливость нужна при ловле кого?

ТИХОН: Террористов.

КОМЕНДАНТ: Блох! Вот как вылетят на волю птенцы этих стен, и Светозар пригодится. Имя есть, осталось его положить на образ.

ТИХОН: Вы имеете в виду Грека?

КОМЕНДАНТ: Я пока никого в виду не имею. Так, мыслю вслух. Может, относительно Микулина передумаю. Говоришь, он вспомнил что-то?

ТИХОН: Скорей, Грек за него вспомнил. Точнее, выду-

мал.

Но он поверил, затрепыхался. Даже на книжку свою большой положил.

КОМЕНДАНТ: Спасибо, напомнил. Книжка... Дал слово – держи, так меня учили в годы моего детства. Я ведь и сам из генетических уродов, сиречь аристократов духа. Помню заветы предков и соблюдаю. (берет трубку телефона) Это снова комендант Тюрмы Человека... Да? Отлично! Спасибо вам огромное! (кладет трубку, Тихону) Ну, Тихон Сергеич, можешь порадовать Ерофея. Через час он свою книгу получит.

(Камера. Ерофей спит, положив голову на колени Эстрельи. Остальные сидят, погруженный каждый в свое. Вор и Эсперанса держатся за руки)

ГРЕК: Он им ничего не сказал и никого не назвал. Даже здесь.

ВОР: А ему и нечего сказать было! Подумаешь, стихи написал!

ЭСТРЕЛЬЯ: (Ерофею) Спи, спи, я здесь...

ЭСПЕРАНСА: Надо же, спит! Ничего себе нервы у мужика!

ВОР: Отдача пошла на нервы, вот и отрубился.

ГРЕК: Эстрелья и Эсперанса. Звезда и Надежда.

ЭСПЕРАНСА: Ты это к чему?

ГРЕК: Да так.

ВОР: А Светозар – жив!

ЭСПЕРАНСА: Это вам надо, чтоб он был жив! А по мне, так лучше ему быть мертвым!

ГРЕК: Эстрелья и Эсперанса... А он спит? Может, ему плохо?

ЕРОФЕЙ: Мне хорошо. (садится) Я спал, и видел сны, и все вспомнил.

ВОР: Что именно?

ЕРОФЕЙ: Я христианин, а христианин не должен бояться смерти.

ГРЕК: Христиане, Ероша, как раз таки очень боятся смерти. Всякий человек грешен, поэтому христиане боятся ада.

ЭСПЕРАНСА: Ты знаешь!

ГРЕК: Сам таким был, наверное.

ЕРОФЕЙ: Не так страшен черт, как наша земная жизнь!

ВОР: Эт точно!

ЕРОФЕЙ: Когда военные взяли власть, многие с облегчением вздохнули, обрадовались!

ЭСПЕРАНСА: Быдло мы потому что! Генетические уроды!

ЕРОФЕЙ: Военные, в принципе, только довели до предела то, что затеяли правительства банкиров и олигархов! Вспомните!

ЭСПЕРАНСА: Забей!

ВОР: И без того тошно!

ЕРОФЕЙ: Беда в том, что к власти никогда не приходят

умные, порядочные люди! И тот генерал, который спихнул банкира! Люди, в массе, поддержали его, а он набросился на них, как взбесившийся козел!

ВОР: Козел он и был!

ЕРОФЕЙ: Борьба с бандитизмом, с коррупцией, с криминалом! Помните! Правильные же лозунги! А под ними!..

ВОР: Мочилово.

ЭСПЕРАНСА: Вот и Светозара в числе первых...

ГРЕК: Он жив. Собирает людей.

ЭСТРЕЛЬЯ: Их теперь не собрать.

ГРЕК: Если придет Светозар...

ЭСПЕРАНСА: Да хоть Иисус Христос!

ЕРОФЕЙ: Грек! Люди молчат не потому что боятся... Хотя, конечно, боятся... Но того пуще им надоело быть статистами, массовой! (Вору) Иван?

ВОР: Остохренело, Ероша.

ЕРОФЕЙ: Их руками одна хунта свергает другую, а потом и ту хунту свергает новая хунта! И так до бесконечности! И все обещают народу мир!..

ВОР: Труд, май! Сто раз проходили!

ЭСПЕРАНСА: Повторение- мать учения!

ВОР: Ученье – свет, а свет – большая роскошь!

ГРЕК: Ого!

ЕРОФЕЙ: Мне анекдот вспомнился. Древнегреческий. Про старуху, которая молилась за здоровье тирана. Ее спрашивают, в своем ли она уме, тиран-то – злодей, а она отвеча-

ет: «Сынок, я их уже столько пережила! И каждый последующий был хуже предыдущего!»

ГРЕК: Что-то ничего не меняется в Мироздании!

БОР: Меняется! При древнем тиране ты бы в каменном мешке парился, в цепях, а сейчас сидишь в Тюреме Человека!

ЭСПЕРАНСА: Звучит!

БОР: Как музыка!

ГРЕК: Как музыка звучит Эстрелья и Эсперанса. Звезда и Надежда по-нашему.

ЭСТРЕЛЬЯ: И – Светозар. Звучит.

ГРЕК: Да.

ЭСТРЕЛЬЯ: Он обречен. Даже если жив.

ЕРОФЕЙ: Его либо подставят и уберут, либо он превратится в свою противоположность!

БОР: Веселые у тебя мысли, христианин!

ЕРОФЕЙ: Честный человек в банке с пауками не выживет! Так что я и правда – освобожденный. Мне уже не надо обо всем этом думать!

ГРЕК: Не получился бы из тебя Пересвет!

ЭСТРЕЛЬЯ: Ты не боишься попасть в ад, Ероша?..

ЕРОФЕЙ: Бог не каратель, а Тюрма Человека – плоть наша...

ЭСПЕРАНСА: Темница души!

ЕРОФЕЙ: Бедная! Многострадальная! Ненасытная! Даже те, кого сочли святыми, не святы! И у них были сны! Сны

плоти!

ЭСПЕРАНСА: Прекращай уже свою литургию!

ЭСТРЕЛЬЯ: Пусть...

ЕРОФЕЙ: Я понял! Они хотели создать здесь нового человека! Не гомо скотинуса, а гомо счастливчика! Освободить его от демонов из подкорки!

ГРЕК: От чести и совести!

ЕРОФЕЙ: От памяти о грехах! Грехи не дают нам идти дальше, путаются в ногах, они плодятся, как микробы...

ВОР: Похоже, тебе и правда надо к попу!

ЕРОФЕЙ: Не надо! Уже не надо! Я не нарушил заповедь «Не убий!» Хотел, но не смог! Всевышний не допустил! А потом убили меня – за сколько-то лет до моей физической смерти завтра – и я перестал грешить!

ВОР: Да, Ерошка: мертвые не потеют.

ЕРОФЕЙ: Не грешат они, Вор. А прошлое... Раз Господь меня низвергнул сюда, значит, в ад он меня теперь не сошлет.

ЭСПЕРАНСА: Стелка, мне нравится, как он выступает от имени Господа!

ЭСТРЕЛЬЯ: От Его имени только не ленивый не выступает!

Но Ероше можно. Не въезжаете, что ли, что с ним творится?! Да, Ероша, ты отсюда попадешь прямо на небо, в большой сад...

ЭСПЕРАНСА: « Расцвели яблони и груши... »

ЭСТРЕЛЬЯ: Надька!

ВОР: А чего? Давайте споем! Все лучше, чем разговоры мутные разговаривать! Как там дальше, Надюха? «Выходила на берег Надюша...»

ЭСПЕРАНСА: Катюша.

ВОР: Для кого как!

ЭСТРЕЛЬЯ: Помолись, Ероша, чтоб нас с Надькой выпустили отсюда, и мы за тебя помолимся.

ЭСПЕРАНСА: И молебен поминальный закажем, если нам заплатят, конечно, и свечи за всех вас поставим – и за упокой души, и за здоровье, а если тело отдадут, погребем тебя по-человечески, как родного!

ЭСТРЕЛЬЯ: Надька!!

ЭСПЕРАНСА: Да он спокойный! Он уже почти – там!

ЕРОФЕЙ: Мне все равно, что сделают с моим телом.

ВОР: А вот тут ты не прав!

ГРЕК: Мы о теле знаем не больше, чем о душе. По большому счету. Человек – синтез души и тела, тем он и загадочен, и велик, и страшен...

ЕРОФЕЙ: В прошлой жизни ты был профессор, преподавал философию...

ГРЕК: Вряд ли. Мимика другая. Жестикуляция. Походка.

ЕРОФЕЙ: Это все могло измениться.

ГРЕК: Это как раз – не могло! И возраст.

ЭСПЕРАНСА: А я самогон гоню. На продажу. Дома. По мне что, заметно?

ВОР: Будет заметно, когда пронюхают!

ЭСПЕРАНСА: Не учи ученого! Я аккуратно. Только проверенным клиентам и в свою тару. И чтоб с этикетками, с акцизом.

(Входит Тихон. Ерофей отходит в угол камеры, молится беззвучно)

ТИХОН: Что вы тут притихли? Грустите?

ЭСПЕРАНСА: Так ведь есть, с чего!

ВОР: А выпить нет! Будь человеком, началь... Тихон Сергеич! Принеси выпить!

ТИХОН: Не положено.

ВОР: Отходную. Вот и девчонки просят! Надь! Стелла!

ТИХОН: Пусть освобождаемый попросит, тогда я доложу.

ЭСТРЕЛЬЯ: Проси!

ЭСПЕРАНСА: После домолишься!

ВОР: Сделай людям богоугодное дело! Ты в рай уйдешь, а нам в этом аду жариться аж до второго пришествия!

ГРЕК: До пришествия Светозара.

ЕРОФЕЙ: Принесите им вина, Тихон Сергеевич.

ТИХОН: Я тебе книгу принес, Ерофей Денисыч. Сказать, где нашли, не поверишь...

ГРЕК: Дайте!

ТИХОН: В посольстве КНР. У китайцев!

ЕРОФЕЙ: Мне все равно.

ГРЕК: А нам – нет! (берет книгу у Тихона) Это – она?

ТИХОН: Она. Только ничего вы тут не прочтете. На ки-

тайском тут.

ЭСТРЕЛЬЯ: Ероша!

ВОР: Слышь?! Тебя на китайский перевели!

ГРЕК: Ты уже почти классик...

ВОР: А на греческом такой книжки нет?

ТИХОН: И на хинди нет. (выходит)

ЭСТРЕЛЬЯ: Это неважно, что на китайском! В руках можно подержать!

ВОР: А китайцы народ большой! Многомиллионный! Раз они тебя читают...

ЭСПЕРАНСА: То и мы когда-то прочтем!

ЕРОФЕЙ: В переводе с китайского? (оборачивается к ним, и все замирают, потрясенные: теперь это совсем молодой человек. Человек с фотографий)

ЕРОФЕЙ: Что вы на меня так смотрите, как на призрак?

ЭСТРЕЛЬЯ: Ничего...

ЭСПЕРАНСА: Радуюсь...

ГРЕК: Здесь много стихотворений...

ЕРОФЕЙ: Бойся своих желаний – они сбываются, когда о них забываешь! Идиотская у меня судьба все-таки!

ГРЕК: Я тебе переведу.

ВОР: Ты?! А по-каковски ты еще шпаришь?

ГРЕК: Я говорил уже, что знал несколько языков. В том числе, видимо, и китайский.

ЭСТРЕЛЬЯ: Читай!

ЭСПЕРАНСА: Он сейчас сам что-нибудь сочинит!

ЭСТРЕЛЬЯ: Говорят, беда одна не приходит. Так чудо – тоже! (Ерофею) Ты себя видишь? Изнутри?

ЕРОФЕЙ: Я себя вижу сильным.

ГРЕК: Тогда слушай! (декламирует, прикрыв глаза)

Стон – у губ, а молчанье – бездонно,

Это ищет следы по горам,

Наши головы пеплом казненных

Посыпают ночные ветра.

Если мне не сразиться с изменой,

Если нам не вернуться домой,

То, что было доселе Вселенной,

Станет затхлой безжизненной тьмой...

ЭСПЕРАНСА: Как по писаному шпарит!

ЕРОФЕЙ: Спасибо, Грек. Я сам дальше.

Скалистый путь к истокам света вьется,

Цепочкой судеб горный кряж увит.

Мы шли вперед, опережая солнце,

В свою страну свободы и любви.

Мы шли, ветрами расправляя флаги,

Из древних, оскверненных мукой царств,

Нам в спины хрипло лаяли собаки,

А пули проносились вдоль лица...

(Входит Тихон, останавливается в дверях)

Мы выли в ночь. Мы пели по острогам.

Делили хлеб и ненависть к врагам.

Мы все дойдем – и те, кто пал дорогой,

От яркого рассвета в двух шагах...

Простите меня. За все, что я тут наговорил.

ВОР: Проехали, Ероша.

ЭСТРЕЛЬЯ: То был не ты...

ТИХОН: Пора, Ерофей.

ЕРОФЕЙ: (отдает книгу Эстрелье) Это вам. Тебе и малышке. Береги дочку.

ТИХОН: Микитин Ерофей Денисович! На выход!

ВОР: Да пшел ты!

ЭСПЕРАНСА: Горит вам?! Пули заржавеют?! Ну, Ерошка, ни пуха...

ГРЕК: До встречи на небесах, так?

ЕРОФЕЙ: Так. (выходит)

ЭСТРЕЛЬЯ: Прими, Господи, душу грешную...

ЭСПЕРАНСА: (Тихону) А ты чего здесь?

ТИХОН: Исполнение приговоров не входит в мои функциональные обязанности. Выходите, красотки.

ЭСТРЕЛЬЯ: Мы?..

ЭСПЕРАНСА: А куда нас?..

ВОР: Может, поцелуемся на прощанье?

ЭСПЕРАНСА: В другой раз! (выходят с Тихоном, в коридор) Так вы куда нас ведете?

ТИХОН: К товарищу коменданту. Он вам заплатит. Наличкой.

ЭСТРЕЛЬЯ: Правда?!

ЭСПЕРАНСА: А за что он заплатит? За красивые глаза,

что ли? Мы ж – ничего...

ТИХОН: Меня не касается.

ЭСТРЕЛЬЯ: Мы здесь просто побыли, еще и поели...

ЭСПЕРАНСА: С нас вычтут за еду?

ТИХОН: Нет! Еда и ваши услуги оплачиваются из отдельного фонда.

ЭСТРЕЛЬЯ: Ой, чего-то мне страшно, Надька!

ЭСПЕРАНСА: Двум смертям, Стелка... Сама знаешь!

(В камере молча сидят Грек и Вор)

ГРЕК: (после паузы) Он был моим другом. (не получив ответа) Он был моим настоящим другом. И в детстве, и когда мы планировали покушение на тирана.

ВОР: Он и правда его планировал?

ГРЕК: Он. Сеня. А я – Микулин Ерофей Денисович.

ВОР: У тебя крыша едет.

ГРЕК: Мы заранее сговорились. На крайний случай. Нам казалось, что если правящего ублюдка убьет поэт... это будет... символично! Не киллер, не военный, именно человек искусства! Но я не смог. Меня словно сила нездешняя оттолкнула от оружия, едва я к нему притронулся! И я сказал Сене: «Мне Господь не даст! Не дает!»

ВОР: Какому – Сене?

ГРЕК: Ему. Я – Микулин Ерофей Денисович, а он был – Ставицкий Семен... Забыл отчество!

ВОР: Он помнил об этом? Здесь?

ГРЕК: Нет. Потому и продержался. Он внушил себе, что

он – это я. Он в это – верил!

ВОР: А ты?

ГРЕК: И я. Я только сейчас, когда увидел дело, альбом... То моя бабушка была на скамье под кустом сирени... Но ему уже нельзя было ничего говорить. Он бы сломался.

ВОР: Как знать!

ГРЕК: Это мягкого человека нельзя сломать. Как его ни комкай, он разогнется, примет свои прежние формы, а жесткого возьми на излом – и все! Сеня был жесткий.

ВОР: Почему же он... Ну, не смог?

ГРЕК: Никто бы не смог. Там такая была охрана! А когда его взяли, он уже перевоплотился в меня!

ВОР: Почему ты – Грек?

ГРЕК: У меня мама была гречанка. Или бабушка. Или отец-профессор мне привил любовь к этому языку. Я учился на правоведа, но посещал лекции на филфаке. Там училась Аглая. Не знаю, почему я назвался Греком. Не помню. Но я помню, почему согласился поменяться с Сеней судьбой! Не только потому, что не мог убить!

ВОР: Да ты прям святой мученик!

ГРЕК: Сеня на меня кричал: «Уничтожить людоеда – святое дело! Убив людоеда, ты спасешь от него людей!»

ВОР: Людоеда свои замочили. Толку!

ГРЕК: Мы не знали тогда, что толку не будет. Нам было по двадцать. Даже двадцати еще не было. Мне. И... я еще почему согласился стрелять... Я хотел пропиарить свои стихи!

Я думал, покушение на тирана будет им хорошей рекламой! Они не затеряются, их будут читать!

ВОР: А ты Нобелевскую схлопочешь. Посмертно!

ГРЕК: Я не думал о премии. Я хотел, чтоб стихи – остались!

ВОР: Поздравляю!

ГРЕК: Сеню взяли на улице, а меня – в доме, в комнате с репродукциями картин! Мы заранее сняли комнату, и он принес туда свой альбом. Я был с девушкой. С Аглаей. Мы с Сеней оба за ней ухаживали.

ВОР: Она тебя не признала! Стелла.

ГРЕК: То была не она. Специально, наверное, похожую подобрали...

ВОР: А она?..

ГРЕК: Не спрашивай.

ВОР: Не знаешь или не хочешь говорить?

ГРЕК: И то и другое. Что им какая-то девушка! Кровинка в общем потоке!

ВОР: Зачем ты мне это рассказал?

ГРЕК: Ты – блатной, а я – следующий.

ВОР: Не наше дело знать сроки! Так, кажется?

ГРЕК: Все мы знаем. Когда слушаем себя. Когда сбегает из тюрьмы наших социально-политических заморочек.

ВОР: Теперь понятно, почему вас так долго здесь изучали!

ГРЕК: Нас не только изучали. Но мы – в своих стенах. А

свои стены – помогают.

ВОР: Ага! Один под пули встал вместо другого!

ГРЕК: И я встану скоро. Не самый плохой вид смерти.

ВОР: И Светозар тебя не спасет!

ГРЕК: Он всех спасет. И живых и мертвых.

ВОР: Ты ни с кем его не путаешь, Грек?

ГРЕК: Он в каждом, кто борется. Может стать, ты и есть Светозар.

(Кабинет Коменданта. В креслах курят, попивая кофе, Эстрелья и Эсперанса. Напротив них – Комендант)

КОМЕНДАНТ: Плохо, девочки! За что я должен вам платить, Эстрелья и Эсперанса, если они даже на эти коды не отозвались, на ваши прозвища! Они – полулюди, достаточно было проникнуть в их подсознание, скovyрнуть верхний пласт...

ЭСПЕРАНСА: То ли пласт – гранитный, то ли ваша метода не сработала.

ЭСТРЕЛЬЯ: Осечка вышла.

КОМЕНДАНТ: Может, они вас заподозрили?..

ЭСПЕРАНСА: Вполне естественно в их положении!

КОМЕНДАНТ: И в чем они вас заподозрили?

ЭСПЕРАНСА: Что мы не шлюхи с панели. У них, шеф, инстинкты, как у зверей.

ЭСТРЕЛЬЯ: Правильней сказать – интуиция.

ЭСПЕРАНСА: Шеф, не в нас проблема, а в них! В методе!

Там такой побочный эффект! Вот, взгляните! Дай, Стелла!

ЭСТРЕЛЬЯ: Он стал в точности вот таким.

КОМЕНДАНТ: Кто?

ЭСТРЕЛЬЯ: Ерофей Микулин. Помолился и резко помолодел.

КОМЕНДАНТ: И как вы это объясните, Стелла? Чудодейственным свойством молитвы?

ЭСПЕРАНСА: Чудо не объясняют, Шеф, его принимают на веру.

КОМЕНДАНТ: Все чудеса имеют под собой прочную материалистическую основу!

ЭСПЕРАНСА: Ой, ли!

КОМЕНДАНТ: Без ой! Наша задача – разобраться с так называемыми чудесами с точки зрения науки! Выявить и проанализировать причины явления!

ЭСПЕРАНСА: Выявляйте, шеф. Освобождаемый Микулин помолодел и душой и телом!

ЭСТРЕЛЬЯ: Не просто помолодел, а еще и вспомнил себя.

КОМЕНДАНТ: Себя... Весь фокус в том, дорогие, что на этой фотографии изображен некто Грек в возрасте двадцати лет! Каким он к нам поступил. А вот кто он такой, этого мы до сих пор не знаем! Может, он Светозар Иванов?

ЭСТРЕЛЬЯ: Сомнительно.

КОМЕНДАНТ: Если он столько лет, несмотря на все наши усилия, на все достижения науки, дурака валяет, твердит,

что он – Грек, почему не предположить...

ЭСТРЕЛЬЯ: Светозар Иванов – в эмиграции.

КОМЕНДАНТ: Кто сказал, что в эмиграции именно Светозар? Там может быть кто угодно!

ЭСПЕРАНСА: Если даже Светозар – Грек, откуда он погоды не делает! Что он есть, что его нет!

КОМЕНДАНТ: Легкомысленное заявление, Надя! А беспечность путь к чему? К поражению!

ЭСПЕРАНСА: То есть, гонорар вы нам не заплатите?

КОМЕНДАНТ: Разве я вас когда-нибудь обижал? Еще мой прадед говорил: актрисы – лучшие друзья кагэбешников! (вынимает деньги)

ЭСТРЕЛЬЯ: Кого?

КОМЕНДАНТ: Была такая структура, называлась – Контора. Мощное было подразделение.

ЭСПЕРАНСА: Типа нашей Госохранки?

КОМЕНДАНТ: Мощнее. Мы с вами живем в смутное время, в эпоху, можно сказать, солдатских императоров, а при Августе все было куда незыблемей, четче, лучше организовано... Считайте! Деньги счет любят!

ЭСТРЕЛЬЯ: Спасибо.

ЭСПЕРАНСА: Если честно, мы столько не заработали.

КОМЕНДАНТ: Заработали, девоньки, заработали. Мне теперь будет, над чем подумать. Хитрая штуковина – человек! В какие его стены ни загоняй, все равно найдет лазейку!

ЭСПЕРАНСА: Было б там окно, вы б нашли под ним перо

птицы!

КОМЕНДАНТ: Что? Где? Понял. Вполне возможно. Жаль, деятели, которые финансируют наш проект, куда примитивней материала по кличке Вор!

ЭСТРЕЛЬЯ: По имени Иван Сидорец.

КОМЕНДАНТ: Это он так назвался.

ЭСПЕРАНСА: А на самом деле он – Светозар?

КОМЕНДАНТ: Все возможно, девоньки, все возможно. В том числе, и такое чудо! Хотя лично я предпочитаю чудо о Министерстве! А им вынь да положь результат! Немедленный!

ЭСПЕРАНСА: Уроды!

КОМЕНДАНТ: Мне им отчеты представлять, смету, а результаты...

ЭСТРЕЛЬЯ: Налицо.

КОМЕНДАНТ: Чье? Освобожденного Ерофея Микулина в образе молодого Грека? Да меня мистиком провозгласят! Шарлатаном!

ЭСПЕРАНСА: Придумайте что-нибудь. Для особенно тупорылых. Им же не нужна правда.

КОМЕНДАНТ: Я не уверен, что в моем благотворительном учреждении нет никого, кто бы не целился занять это кресло!

ЭСТРЕЛЬЯ: Их нельзя выявить? С помощью новейших достижений?

КОМЕНДАНТ: Было бы все так просто, не было бы та-

ких...ошеломляющих результатов! (тычет в фотографию)
Человеческая личность – всесильна! За такой вывод, как думаете, мне скажут спасибо?

ЭСТРЕЛЬЯ: Сошлитесь на недостаточность финансирования...

КОМЕНДАНТ: И мне комиссию пригонят! Дюжину тупорылых, ни одного из которых я бы и дня не держал здесь на казенных харчах!

(Включается внутренняя трансляция. Слышен крик Ерофея: «Да здравствует свобода! Да здравствует Светозар!»). Выстрелы. Эстрелья крестится.)

ЭСПЕРАНСА: Интересно, Светозар это слышал?

ЭСТРЕЛЬЯ: Мне кажется, Са... товарищ комендант, вы делаете проблему из ничего. Ну, вжился Ерофей Микулин в образ юного Грека! Так Ерофея больше нет, а Грек ничего не помнит!

КОМЕНДАНТ: Попробуйте вдолбить это бюрократам из Центра! У них одно требование: придерживаться неукоснительно! Пусть у нас тут хоть крокодил запоет оперным сопрано, хоть эмбрион заспиртованный начнет развиваться – им наплевать! Ладно, вас-то я зачем грузю своими проблемами! Ступайте. Ты, Стелла, задержись на минутку.

(Эсперанса выходит)

ЭСТРЕЛЬЯ: Голова болит? Прими таблетку.

КОМЕНДАНТ: Не поможет. Сам президент заинтересовался результатами нашей работы!

ЭСТРЕЛЬЯ: Он в ней шарит, как свинья в апельсинах!
Хочешь, я тебе помогу с отчетом?

КОМЕНДАНТ: Ты у меня умница-разумница, Марфа-искусница!

ЭСТРЕЛЬЯ: Василиса Премудрая и Прекрасная в одном флаконе! Не бери в голову, Саша, она и перестанет болеть! Не впервой тебе выкручиваться.

КОМЕНДАНТ: Да уж, не привыкать!

ЭСТРЕЛЬЯ: Как я хочу отсюда уехать!

КОМЕНДАНТ: Потерпи.

ЭСТРЕЛЬЯ: Сколько? Сейчас ты скажешь, сколько нужно. Да, Саша? Свою семью ты отправил за бугор. Не затем ведь, чтоб твоя жена не набила мне морду!

КОМЕНДАНТ: Моя семья мне мешала. У меня ведь полно врагов! И шантажировать пытались, и угрожали. И справа роют, и слева...

ЭСТРЕЛЬЯ: А ты – центр Мироздания!

КОМЕНДАНТ: Именно так. По сути, моя тюрьма – это лаборатория будущего. А все новое, как ты знаешь, рождается в муках. И новый человек, и человек вообще... Что тебя пугает, котенок? Официально ты – агент на доверии.

ЭСТРЕЛЬЯ: Твой кабинет не на прослушке?

КОМЕНДАНТ: Моя первая профессия – инженер-электронщик, лапочка. А сейчас выйди. Туда. Береженого, как говорится...

(Эстрелья выходит в смежное помещение. Стук в дверь.

Появляется Тихон с папкой и альбомом.)

ТИХОН: Вот. Я принес.

КОМЕНДАНТ: Положи на стол.

ТИХОН: Я могу идти?

КОМЕНДАНТ: Да... погоди минутку. Все хотел спросить: как там твой протеже?

ТИХОН: Вы про Вора?

КОМЕНДАНТ: Про Ивана Сидорца, уголовника. Не пора ли взять его в работу, Тихон Сергеич?

ТИХОН: Зачем? Он же... не семи пядей!

КОМЕНДАНТ: Тогда зачем он мне нужен здесь?

ТИХОН: Он мне нужен. У меня с ним свои счета.

КОМЕНДАНТ: А ты верный друг, Тихон!

ТИХОН: Я не друг. Я враг. Верный. Он моего единственного друга убил. У меня ведь, вы сами знаете, ни семьи, никого. Только он и остался, Вор!

КОМЕНДАНТ: Вот уж не думал, что ты мастер сочинять душеспипательные истории!

ТИХОН: Никак нет. Не мастер.

КОМЕНДАНТ: Тогда на носу себе зарубите, капитан Краснов: вы здесь не частное лицо, и ваши личные побудительные мотивы не должны сказываться на наших показателях! Я по шапке получить не хочу за вашу садистскую жажду мщения! Так что Вора этого, Сидорца Ивана, завтра же в разработку. Поняли?

ТИХОН: Так точно.

КОМЕНДАНТ: Тогда – свободен! Свободен, я сказал!

(Тихон, поколебавшись, уходит. Возвращается Эстрелья)

ЭСТРЕЛЬЯ: А ты суров!

КОМЕНДАНТ: А что делать? Кругом разброд и шатания, даже здесь! Я уже не говорю о том, что за стенами! Перво-званный хаос, черт ногу сломит!

ЭСТРЕЛЬЯ: Раздолье для ловцов рыбы в мутной воде! Если тебя подсидят, ты уедешь. Ты поэтому и вывез свою семью! Подсуетился заранее. А со мной что будет?

КОМЕНДАНТ: Я ведь тоже –ловец рыбы, детка, и я еще не всю рыбу выловил! Я никуда не собираюсь бежать. Да, меня могут снять с административной должности, заменить каким-нибудь солдафоном вроде Тихона, но я незаменим как автор проекта, как ученый!

ЭСТРЕЛЬЯ: Ты сам сказал, что болванам нужен немедленный результат.

КОМЕНДАНТ: Результатов у меня хватит на всех. Богу богово, а кесарю – кесарево, как говорится! Но это – антерну, мон амур!

ЭСТРЕЛЬЯ: Саша, тебе не бывает страшно? Хотя бы наедине с собой, по ночам?

КОМЕНДАНТ: У меня ночей не бывает. Я сплю по два-три часа в сутки в соседней комнате, потом встаю и возвращаюсь к работе. К тому, что я призван сделать!

ЭСТРЕЛЬЯ: Саша!

КОМЕНДАНТ: Да, котик, призван! Именно! Человече-

ство деградировало настолько, что оказалось на грани исчезновения, а человечество – это единый биологический организм, оно либо все спасется, либо все ухнет в тартарары! Никто общей участи не избегнет, ни те, кто себя провозгласил элитой и жрет в три глотки, ни те, чья цель – хоть как-нибудь прокормиться!

ЭСТРЕЛЬЯ: А может, мы достойны такой участи? Погуляли, и будя! Мы уже не только Землю, мы и Космос загадили!

КОМЕНДАНТ: Новый человек изменит все к лучшему.

ЭСТРЕЛЬЯ: Саша! Ты утопист? Или у тебя началась профессиональная болезнь психиатров?

КОМЕНДАНТ: Я реалист, лапушка, и я не психиатр. Не только. Все существовавшие доселе методы изменения сознания, поведенческих мотивов, по замене личности и бесполезны, и опасны. Все эти универсальные солдаты, запрограммированные убивать без страха и жалости, идеальные исполнители, лишённые способности рассуждать! Зомби и биороботы это социальный заказ элиты, которая сама давно нуждается в психиатре! Я не собираюсь урезать спектр личности, посягать на индивидуальное в человеке! Напротив! Пусть яблоня остается яблоней, вишня – вишней, а кактус – кактусом! Важно так их обрезать, так удобрить, чтоб они росли, цвели и плодоносили! Ты понимаешь?.. Что на тебя так подействовало?

ЭСТРЕЛЬЯ: Люди. Человек, которого ты расстрелял.

КОМЕНДАНТ: Коньяка выпьешь?.. Выпей! В отличие от несчастных за стенами, которые гибнут каждый день сотнями, Ерофей Микулин не испытывал страха смерти.

ЭСТРЕЛЬЯ: Ты знаешь, что он испытывал?!

КОМЕНДАНТ: Знаю! Именно я его избавил от этого разрушительного чувства! Страх смерти – ахиллесова пята человечества, от него берут начало все религии, культуры, все преступления против личности! Жажда бессмертия во всяческих ее проявлениях – именно оттуда!

ЭСТРЕЛЬЯ: Страх смерти бывает и продуктивным.

КОМЕНДАНТ: Ты это вычитала в какой-то трагедии, кошечка. Смерть и трагедия, смерть и поэзия нераздельны, да, но большинство людей живет обыденной жизнью, и вот им страх смерти только мешает жить! Поэтому они стараются не думать о будущем, рисовать его себе в ярких тонах! Люди, лапушка, живут не на сцене.

ЭСТРЕЛЬЯ: Ты решил уничтожить искусство, Саша? Поэзию, драму? Будет ли это благом?

КОМЕНДАНТ: Заметь, я не пишу рецензии на спектакли с твоим участием. Вот и ты не лезь в область, где ты ничего не смыслишь!

ЭСТРЕЛЬЯ: Но меня же это коснется, касается! Даже в профессиональном плане! Ты спектр моей личности кастрируешь во имя всеобщего блага, Саша! Хотя и говоришь, что нет, что ты не посягаешь...

КОМЕНДАНТ: Я лишь отсеку ненужные, сухие ветви от

древа, то, что мешает расти, тянет соки...

ЭСТРЕЛЬЯ: Саша, ты инквизитор!

КОМЕНДАНТ: Стелла, ты давно не перечитывала «Евангелие»! Притчу о бесплодной смоковнице помнишь?

ЭСТРЕЛЬЯ: В тени бесплодной смоковницы отдыхает усталый путник! А ты живых нормальных людей превратил в биологический материал, чтобы создать абстрактного человека! Полу-ангела! Почему бы тебе не начать с себя?

КОМЕНДАНТ: Потому что себя со стороны не увидишь! Себя можно только чувствовать, а вот воспринимать объективно проявления своего Я во внешней среде – нельзя!

ЭСТРЕЛЬЯ: Саша, я с детства боюсь фанатиков. У меня дед был – фанат коммунистической идеи. Наверное, ему в пику отец полез в бизнес, пустил семью по миру, и сам умер от цирроза печени в машине друга, где он и жил последние свои годы. Потом брат стал адептом национальной идеи! Типичным наци! А ведь был добрый, умный мальчик! Мы все – продукт жизни, Саша! И пока мы будем жить впроголодь, видя как рядом богатеют абсолютно бессовестные, бездушные...

КОМЕНДАНТ: Вспомни, к чему привел лозунг «Хлеба и зрелищ»! Рим накормил своих голодных, и они выродились в скотов! А ведь это римские плебеи разбили армию Ганнибала!

ЭСТРЕЛЬЯ: А ты вспомни поговорку: сытый голодного не понимает!

КОМЕНДАНТ: Человек ненасытен. Такова его биологическая природа, и в этом – главная трагедия человечества.

ЭСТРЕЛЬЯ: Не в знании о смерти?!

КОМЕНДАНТ: На этом знании наша природа растет, и растет уродливо! Может насытиться тигр, волк, гиена, но только не человек!

ЭСТРЕЛЬЯ: То есть, мы потомки тираннозавра! Даже лучшие из нас по сути – чудовища. Но если ты ампутировать чудовище, человек не выживет, Саша. Ему придется завести и вскормить в себе какого-нибудь нового зверя!

КОМЕНДАНТ: Какого зверя ты в себе вскармливаешь, котенок?

ЭСТРЕЛЬЯ: Хитрого. Осторожного.

КОМЕНДАНТ: Ласкового. (обнимает ее)

ЭСТРЕЛЬЯ: Зверя из породы кошачьих.

КОМЕНДАНТ: На то ты и женщина.

ЭСТРЕЛЬЯ: Женщины бывают и суками. И курицами. И...

КОМЕНДАНТ: Согласен.

ЭСТРЕЛЬЯ: Сюда не войдут? Твой Тихон Сергеич?

КОМЕНДАНТ: Не войдут.

ЭСТРЕЛЬЯ: Нет, не могу! Я все время вижу его глаза! У него были глаза измученного ребенка! У Ерофея! Он теперь будет являться по ночам и смотреть на меня этими глазами!

КОМЕНДАНТ: Мы уедем, когда я все здесь закончу. Открою частную клинику, буду лечить ...

ЭСТРЕЛЬЯ: Ты уже не сможешь лечить. Ты привык обрезать и удобрять... Я тебя боюсь, Саша!

(Камера. Грек лежит, отвернувшись лицом к стене. Вор мурлычет тоскливый незамысловатый мотивчик. Входит Тихон с двумя мисками похлебки.)

ТИХОН: Жрите давайте. По-быстрому.

ВОР: Ты чего такой мрачный, нач... Тихон Сергеич? По Ероше скучаешь?

ТИХОН: По тебе, образина! Грек! Особого приглашения ждешь? А ну, взял ложку!

ВОР: Сам это жри!

(Грек садится на койке. Теперь это тот самый молодой человек, в которого превратился перед смертью Ерофей. Тихон отшатывается)

ТИХОН: Твою мать!!... Ты кто?!

ГРЕК: Грек.

ТИХОН: Ты?! Нет! Почему?! Тебя же освободили!

ВОР: А он возродился, как Феникс!

ТИХОН (резко переключившись на Вора): Жри! Ты меня понял?! Что я тебе сказал?!

ВОР: Понял.

ТИХОН: Тогда освобождай миску. Я спешу, понял?

ВОР: Баба ждет? Уж не та ли, что сегодня была? Эсперанса? Тогда тебе повезло, началь... Классная штучка! И ублажит, и напоит!

(Тихон забирает миски, выходит, хлопнув дверью)

ВОР: Слушай... Ты что сейчас чувствуешь?

ГРЕК: Я выспался. Впервые за много лет.

ВОР: Ты о чем думал перед тем, как заснуть?

ГРЕК: Тебе это, наверное, покажется слишком... вычурным! Я сказал себе: «Ты человеком родился, так будь им! Что бы с тобой ни делали!».

ВОР: Ты правда знаешь китайский?

ГРЕК: Нет. Да это и не стихи были – в той книжке. Они подсунули цитатник председателя Мао.

ВОР: Откуда ты знаешь?

ГРЕК: Видел. В той жизни.

ВОР: Когда ты был Ерофеем?

ГРЕК: Да.

ВОР: Интересно, кем стану я...

ГРЕК: Если ты родился человеком по имени Иван Сидорец, будь им!

(Комната Эсперансы. Эсперанса сидит за компьютером. Стук в дверь. Входит Тихон.)

ЭСПЕРАНСА: Здорово, служивый! Чем обязана?

ТИХОН: Я слышал, здесь можно купить самогон. Недорого.

ЭСПЕРАНСА: В свою посуду. И чтоб была с этикетками, с акцизными марками... Что у тебя за крайность?

ТИХОН: Комендант приказал Ивана взять в разработку.

Завтра.

ЭСПЕРАНСА: Что-то заподозрил?..

ТИХОН: Не думаю. Он после истории с Микулиным рвет и мечет. Такого эффекта он точно не ожидал.

ЭСПЕРАНСА: Никто не ожидал.

ТИХОН: Чудны дела твои, Господи... Я там не могу больше. Еще немного, и сам крышей поеду. Или проколюсь. Перебросьте меня на другую работу.

ЭСПЕРАНСА: Тиша, ты же знаешь, что тебя там заменить некем. Годы потребовались, чтоб внедрить тебя в Стены!

ТИХОН: И что, есть от меня практическая польза? Если мы и Сидорца потеряем...

ЭСПЕРАНСА: Останется на полу птичье перо... Я доложу обстановку. Будем думать.

ТИХОН: Быстрее думайте. Или я начну действовать на свой страх и риск! Перестреляю там всех к чертовой матери!

ЭСПЕРАНСА: Это не выход!

ТИХОН: Для меня – выход. И для Ивана. Давай сюда самогон!

ЭСПЕРАНСА: Надеюсь, вы не напьетесь.

ТИХОН: Надейся. Имя обязывает!

(Камера. Вор и Грек лежат на койках)

ВОР: Спишь?

ГРЕК: Нет.

ВОР: Он верил в Светозара, Ерошка. Для меня он все рав-

но – Ерофей. А ты – Грек.

ГРЕК: Да хоть горшком назови...

ВОР: Лишь бы не Светозаром?

ГРЕК: Светозар в эмиграции.

ВОР: Светозар – это я. Запомни. На случай, если я не буду ничего помнить.

ГРЕК: Зря вы открылись.

ВОР: А может, я размечтался! Светозар – имя, которое на слуху! Каждый пацан мечтает стать Светозаром! Может, я хочу стать легендой? Ты, вон, диктатора мочить согласился, чтобы оставить свое имя в веках, а я чем хуже?

ГРЕК: Наши намерения не всегда отвечают нашим возможностям. Я не смог выстрелить в тирана, и, в итоге, пропадаю ни за понюшку табака! Переоценил себя.

ВОР: Или – недооценил.

ГРЕК: В смысле?

ВОР: Ты остался поэтом, а поэты – люди незаменимые. Это политика легко заменить, а поэта – нет.

ГРЕК: И что такого значительного я сделал за эти годы?

ВОР: Человека сделал по имени Грек. Человека, который стал умом и душой этой камеры, символом звезды и надежды!

ГРЕК: Эстрелья и Эсперанса... Почему они не вытащили тебя отсюда? Получается, не спрятали, а упрятали?

ВОР: У них спроси.

ГРЕК: С того света?.. Сеня дважды принял смерть за ме-

ня, это он был поэтом и душой камеры. Так что лавры давай оставим ему. Так будет честно.

ВОР: Лаврами сочтемся после победы.

ГРЕК: Она будет не нашей. При любом исходе. Неподкупный Робеспьер превратится в Робеспьера Кровавого. Если ты отсюда выйдешь и победишь, мальчишки не будут больше играть в Светозара.

ВОР: Светозаром будут пугать детишек? Я бы не спешил с прогнозами.

ГРЕК: У меня нет другого времени, Светозар... Я бы предпочел звать тебя Иваном.

ВОР: Да хоть горшком, Грек!

ГРЕК: Обидно! Я всего столько знал, учил... Я помню «Илиаду и Одиссею»! А зачем я ее помню? Кому от этого хорошо? От того, что я жил, был... Сеня ушел с верой, что от него осталась дочь...

ВОР: Он прекрасно понимал...

ГРЕК: Понимать – одно, а верить – другое!

ВОР: От каждого из нас, возможно, кто-то остался. У наших женщин.

ГРЕК: Мою женщину убили. Аглаю. Ее синяя блузка во мгновение стало красной. А меня не убили. Меня схватили и оттащили от нее. Я действительно хотел забыть это. Сидеть с этим в стенах – хуже, чем умереть. Только не говори, что вы отомстите! Я заранее боюсь вашей мести.

ВОР: Мечь победителей – не всегда террор.

ГРЕК: Всегда. Вы можете назвать это расплатой, другим звучным словом... Я уже не совсем здесь, поэтому – вижу. Кажется, я стал здесь сверхчеловеком, Ваня. В истинном значении слова. Это – надбытие, с этим долго не живут...

ВОР: Может, это и заблуждение мое, а ты не все видишь... Стихия не захлестнет тех, кто встанет над ней.

ГРЕК: Это если вы встанете над собой.

(Входит Тихон)

ГРЕК: Вы за мной?

(Тихон наводит пистолет на Вора)

ТИХОН: Это все, что я могу для тебя сделать.

ГРЕК: Не надо! Он отсюда выйдет! И вы! Все начнется сызнова! Скоро!

ВОР: Он поэт, он знает, что говорит.

ТИХОН: Что ж... Тебе видней. (выходит)

ВОР: Видней... Теперь и я – вижу. Это просто, если не запираться!

ГРЕК: Запираться нужно от непогоды. И знать при этом, что даже в самое ненастье в вышине за тучами светит солнце! Оно всегда – есть! Запомни!

(В кабинете Коменданта Комендант и Эстрелья просматривают фотографии)

КОМЕНДАНТ: И кто, интересно, поверит в такую мистику? Второй человек вдруг перевоплощается на глазах...

ЭСТРЕЛЬЯ: Твои руководящие болваны решат, что тебя пора переводить в пациенты!

КОМЕНДАНТ: Не только меня – весь штат нашего богоугодного заведения! Тихона Сергеича, который отнюдь не блещет воображением...

ЭСТРЕЛЬЯ: С ним-то как раз все в порядке. Он все эти метаморфозы считает результатом твоих опытов, Саша. А вот чем их считаешь ты?

КОМЕНДАНТ: Над этим мне еще работать и работать!

ЭСТРЕЛЬЯ: Если дадут.

КОМЕНДАНТ: Дадут. А не дадут, локти будут кусать. Я успею забыть о высоком чувстве патриотизма...

ЭСТРЕЛЬЯ: А обо мне, так подавно!

КОМЕНДАНТ: Ты опять? Как звучат заветы пращуров, Стелла? Раньше смерти не умрем! Храбрый умирает один раз, а трус...

ЭСТРЕЛЬЯ: Ты очень храбрый, Светозар. Очень умный и артистичный.

КОМЕНДАНТ: Кто?!..

ЭСТРЕЛЬЯ: Ты ведь докторскую защитил в области медицины?

КОМЕНДАНТ: Стелла, ты спятила?! Тебе вредно гостить у меня подолгу!

ЭСТРЕЛЬЯ: А я не в гости. (вынимает пистолет)

КОМЕНДАНТ: (хватается за пустую кобуру) Идиотка!!

ЭСТРЕЛЬЯ: Ты слишком много на себя взял. Ты стал

неуправляем... Даже не пытайся вызвать Тихона, я отключила систему связи. Я ведь тоже по основной профессии – электронщик. Там, снаружи, не такой хаос, как тебе кажется!

КОМЕНДАНТ: Стелла, или как там тебя! Послушай!

ЭСТРЕЛЬЯ: Тебя погубила самонадеянность!

КОМЕНДАНТ: Вы ошиблись! Ты! Я не Светозар и никогда им не был!

ЭСТРЕЛЬЯ: Значит, будешь! Со Светозаром давно пора покончить, с тобой – тоже! Государству не нужны твои крылатые гомо!

КОМЕНДАНТ: Кто тебя послал?!

ЭСТРЕЛЬЯ: «Звезда и надежда»!

КОМЕНДАНТ: Мифическая организация?!

ЭСТРЕЛЬЯ: Не мифическая, Саша...

КОМЕНДАНТ: Все-таки – Саша!

ЭСТРЕЛЬЯ: Реальные городские партизаны.

КОМЕНДАНТ: И откуда они берутся после стольких зачисток?!

ЭСТРЕЛЬЯ: Вы их и порождаете, Саша. Животное, загнанное в угол, кидается на загонщика. Я с ними в контакте, но сейчас я не от них.

КОМЕНДАНТ: Кто ты?!

ЭСТРЕЛЬЯ: Двойной агент. Мне еще дочку на ноги ставить, а дети нынче – дорогое удовольствие, так что курочка по зернышку клюет. В данный момент я действую как агент правительственных спецслужб, так что сговориться со мной

даже и не пытайся. Я избавлю тебя от необходимости сочинять отчет.

КОМЕНДАНТ: Это же бред! Преступление!

ЭСТРЕЛЬЯ: Преступление – расходовать бюджетные средства на удовлетворение собственных амбиций. Да, нам нужны и универсальные солдаты, и безмозглый электорат, готовый трудиться за корку хлеба. Все как всегда, как во все века! Для счастья всех и каждого, Саша, земных ресурсов элементарно не хватит!

КОМЕНДАНТ: Вы меня каким-то коммунарком вообразили, а я...

ЭСТРЕЛЬЯ: Тихий кабинетный ученый! Носитель истины, исполнитель предназначения!

КОМЕНДАНТ: Свяжи меня с вашим главным! Не стреляй! Дура!! Без меня тебя отсюда не выйти!!

ЭСТРЕЛЬЯ: Обо мне не беспокойся. Я доверенное лицо президента.

(Эстрелья стреляет, Комендант падает. В ту же минуту распахивается дверь, и на пороге появляется Тихон с пистолетом. Стреляет в Эстрелью.)

ГОЛОСА В ЭФИРЕ: «Сенсационное сообщение! Сегодня в 15 часов 03 минуты в своем служебном кабинете на территории лечебно-исправительного учреждения «Тюрьмы Человека» был убит комендант Тюрьмы Александр Приходько. Виновными в смерти ученого следствие считает активистов террористической организации «Звезда и Надежда». « Со-

гласно нашим источникам, смерть коменданта «Тюрьмы Человека» Александра Приходько вызвана связью покойного с иностранными разведслужбами», «Александр Приходько, один из высокопоставленных коррумпированных чиновников, был приговорен к смерти руководством освободительного движения «Звезда и Надежда». Приговор был приведен в исполнение активисткой движения Стеллой Дорошевич, погибшей при выполнении спецзадания...», «Не странно ли, что Александр Приходько ушел из жизни именно тогда, когда его бесчеловечными опытами над людьми заинтересовался Международный Комитет по защите прав человека? Не указывает ли смерть коменданта на тесную связь последнего с правительственными кругами?» «Временно исполняющий обязанности коменданта Тюрьмы Человека, зам. Приходько по работе с контингентом Тихон Краснов отказался прокомментировать ситуацию, но дал понять, что не видит в случившемся политической подоплеки. Актриса Стелла Дорошевич, погибшая на месте теракта, была любовницей Александра Приходько, а их отношения в последнее время отличались крайней нервозностью. Краснов отрицает версию, согласно которой покойный комендант и Светозар Иванов являются одним и тем же лицом», «Зарубежные, в первую очередь эмигрантские СМИ, с негодованием опровергают заявление руководителя Центра Общественных связей при кабинете действующего президента страны о том, что убитый комендант Тюрьмы Человека и есть скандально

известный лидер оппозиции Светозар Иванов. Напомним: президент выразил глубокое соболезнование семье погибшего и призвал народ сплотиться под знаменем единодержавия».

(Камера. Тихон трясет неподвижно лежащего на койке Вора)

ТИХОН: Эй!.. Ты меня слышишь? Ты меня узнаешь?

ВОР: Ты кто?

ТИХОН: Начальник. Тихон Сергеич.

ВОР: А где все?

ТИХОН: Какие – все?

ВОР: Доцент. Карась, он на атасе стоял. Сироты. Ой, плохо мне, начальник! Вся душа изболелась! Четверо ведь осталось, бедолажных, когда вы – Доцента! Почто?! За банку тушенки! Звери!!

ТИХОН: (счастливо) Сволочь! Ты еще в корчах начни биться, комедиант!.. В порядке твои сироты, в школу ходят.

ВОР: (бормочет, как в бреду) Ты в цирк их своди на праздник. Там красиво, огни. За билеты я заплачу. У меня же миллион в банке. Только, как его снять? Ты придумай, а я сниму. Я заплачу за билеты. А еще конфеты купить надо. Побольше...

(Смолкают бормотание Вора. Тихон стоит перед Эсперансой, в ее комнате)

ТИХОН: Он хочет, чтоб мы выступили в праздник, в так

называемый День Народа.

ЭСПЕРАНСА: Он слишком долго просидел в Стенах. Объясни ему, что народ деморализован, ни за кем не пойдет и никого не поддержит.

ТИХОН: Народ ждет Светозара.

ЭСПЕРАНСА: Именно – ждет! Чтобы проснуться в одно прекрасное утро, включить телевизор и узнать, что ура, все хорошо! Хунта свергнута, началась счастливая жизнь!

ТИХОН: Если он будет с нами...

ЭСПЕРАНСА: Его так долго не было с нами, что только имя от него и осталось! Извини. Нервы. Меня история со Стеллой сильно шарахнула по мозгам.

ТИХОН: Стелла была многостаночница, но приказ организации выполнила – смертный приговор живодеду привела в исполнение.

ЭСПЕРАНСА: Не исключаю, что такой приказ она получила и от кого-то еще.

ТИХОН: Главное, что теперь я – комендант. Пусть временно.

ЭСПЕРАНСА: Если она тебя вычислила...

ТИХОН: Не вычислила.

ЭСПЕРАНСА: ...тогда твое назначение – провокация, чреватая крупным кровопролитием!

ТИХОН: Не накучивай себя, Надя. Стеллу мне пришлось ликвидировать на месте...

ЭСПЕРАНСА: Да, другого выхода не было. Его не было

бы и в том случае, если б Эстрелья выполняла только наше задание!

ТИХОН: Смерть есть одна из составляющих жизни.

ЭСПЕРАНСА: Ты меня утешаешь? Не надо. Думать надо, как вытащить Светозара и при этом не подставить тебя.

ТИХОН: Так невозможно. Чтоб и волки были сыты, и овцы целы. Либо он остается там, либо я с ним уйду оттуда.

ЭСПЕРАНСА: Третьего не дано?

ТИХОН: Нет.

ЭСПЕРАНСА: А если лучше подумать?

ТИХОН: Поднять мятеж в стенах? Его подавят за полчаса. И первым под пулю попадет он. Или я.

ЭСПЕРАНСА: Хорошо, действуй по обстановке. Ему скажи, что в цирк мы обязательно сходим. Когда будет программа поинтересней. С тиграми, со слонами...

(Камера. Вор бродит по камере, бормочет)

ВОР: Стены... Как выйти, выйти – как? Неужто никак?.. Там за стенами – те же стены, та же тюрьма... Нет! Это не я говорю! Не я так думаю! Я – другой! Я – Иван Сидорец, я вор, я замочил дружка товарища воспитателя, а он...

(Открывается дверь. Входят Ерофей и Грек. Они такие, какими были в начале пьесы.)

ВОР: Вот я и приплыл!

ЕРОФЕЙ: Ваня...

ВОР: Привет, камарадас! И как оно там, у Христа за пазухой? Не дует?

ЕРОФЕЙ: Мы не призраки, Ваня.

ГРЕК: Мы тебе не мерещимся. Убедись! (подходит к нему, обнимает)

ВОР: Глюк еще и осязательный.

ГРЕК: Здесь никого не казнят.

ЕРОФЕЙ: Товарищ комендант очень берег биологический материал...

ГРЕК: Производство безотходное, как в Японии...

ЕРОФЕЙ: Освобожденных переводят в другой, еще более засекреченный блок...

ГРЕК: Даже Тихон Сергеич о нем не знал.

ВОР: Где он?

ЕРОФЕЙ: Блок?

ВОР: Тихон.

ЕРОФЕЙ: Он теперь комендант, и когда стал принимать дела...

ГРЕК: Прежний хозяин тюрьмы... Ты уже в курсе, что его застрелила Стелла?... Прежний хозяин имел свой бизнес. Списанный материал...

ЕРОФЕЙ: Тех, кого как бы расстреляли...

ГРЕК: Переводили в секретный блок – официально он назывался Морг – с последующим использованием на органы.

ЕРОФЕЙ: Ими товарищ комендант снабжал и правительственную закрытую клинику, и свою частную, в Цюрихе.

ГРЕК: А потом они чего-то не поделили, и Стелла его убила.

ВОР: Стелла... Это та девчушка, у которой дочка в приюте?

ЕРОФЕЙ: Хотел бы я оказаться в таком приюте!

ГРЕК: Как бы то ни было, а свечку за нее поставить сам Бог велит! Если бы не она, мы бы не разговаривали сейчас!

ВОР: Вот так вот все относительно. Добро и зло.

ЕРОФЕЙ: Так вот.

ГРЕК: Мы сейчас отсюда уйдем. Тихон вывезет нас на своей машине.

ВОР: А другие? Мы их здесь бросим? Сами бежим, а здесь все пусть будет, как было? Опыты! Бизнес!

ЕРОФЕЙ: Живых... Ты понимаешь, в каком я смысле... Живых выведет Эсперанса. Через морг. Оттуда на поверхность выходит подземная магистраль. По ней заказчики приезжали.

ГРЕК: Большинству уже ничем не поможешь, Ваня.

ВОР: Это... необратимо? (стучит себя по лбу)

ГРЕК: Кто сдался, тот погиб. Кто даже не попытался барахтаться.

ВОР: А я все это время валял здесь ваньку!

(Входят Тихон и Эсперанса)

ЭСПЕРАНСА: Ты – был. Уже одного этого было для нас достаточно.

ВОР: А как насчет фразы – незаменимых нет?

ТИХОН: Глупая фраза.

ЭСПЕРАНСА: Ну, здравствуй, брат! Здравствуй по-на-

стоящему!

ВОР: Здравствуй, сестра моя во Борьбе! Ты по-настоящему кто?

ЭСПЕРАНСА: Командир группы «Надежда». И зовусь Надеждой. Для соратников – Эсперанса.

ВОР: Звезда и Надежда...

ЭСПЕРАНСА: Звезд много. Ты их сейчас увидишь. До встречи за Стенами!

ВОР: До встречи, сестра.

(Эсперанса выходит)

ТИХОН: Пора!

ВОР: А она одна... Справится?

ТИХОН: Она не одна. Идемте!

ВОР: (смотрит на лампочку) Что бывает желтым? А, Грек? Мне твои стихи нравились. Я их на митинге читал.

Ток древней надежды струят мои вены,

За землю, за солнце, за волю – вперед!

Я выйду к заре, и расступятся стены,

И небо меня захлестнет!

Май 2011г.